

БРЭМ СТОКЕР

ГОСТЬ
ДРАКУЛЫ

Мастера магического реализма (АСТ)

Брэм Стокер

Гость Дракулы (сборник)

«АСТ»

1881, 1908

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Coe)-445

Стокер Б.

Гость Дракулы (сборник) / Б. Стокер — «АСТ», 1881,
1908 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-104023-9

Имя Брэма Стокера не нуждается в представлении – уже более ста лет роман «Дракула» не покидает списки бестселлеров разных стран в категории «мистика». И только истинные ценители знают, что Стокер – еще и автор малой прозы, написанной в лучших традициях классической английской литературы рубежа веков. Мистические истории, вошедшие в сборник «Гость Дракулы», или байки членов странствующей актерской труппы из «Занесенных снегом», а может, коллекция причудливых, наполненных аллегориями сказок-притч «Под закатом» – каждый читатель наверняка найдет в этой книге что-то для себя, открывая ранее неизвестные ему грани таланта создателя самого притягательного мифа XX века.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-104023-9

© Стокер Б., 1881, 1908

© АСТ, 1881, 1908

Содержание

Под закатом	6
Под закатом	6
Принц Роз	11
Невидимый великан	21
Строитель Теней	29
Как Семерка сошла с ума	36
Ложь и лилии	45
Замок Короля	48
Чудо-ребенок	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Брэм Стокер

Гость Дракулы

© Н.Х. Ибрагимова, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Под закатом

Моему сыну, чья невинная душа созерцает лик Царя Небесного

Под закатом

Далеко-далеко есть прекрасная страна, которой никогда не видел ни один человек в часы бодрствования. Лежит она под закатом, там, где далекий горизонт окаймляет день и где облака своим светом и разноцветием обещают великолепие и красоту, наполняющие его.

Иногда нам дозволено видеть ее во сне.

Время от времени прилетают тихо ангелы, которые овевают своими большими белыми крыльями измученные головы и кладут прохладные ладони на спящие глаза. Тогда воспаряет дух спящего, поднимаясь ввысь из мрачности и тусклости ночного времени, летит сквозь пурпурные облака небесных сводов и, пролетая над далеким горизонтом, опускается на прекрасную Страну-под-Закатом.

Эта страна во многом похожа на нашу собственную. В ней есть мужчины и женщины, короли и королевы, богачи и бедняки; в ней есть дома и деревья, птицы и цветы. Там бывает день и ночь, жар и холод, болезнь и здравие. Сердца мужчин и женщин, мальчиков и девочек бьются там так же, как и здесь. Там такие же печали и такие же радости, такие же надежды и такие же страхи.

Если бы ребенок из той страны оказался рядом со здешним ребенком, вы бы не смогли их различить, разве что только одежда у них иная. Они говорят на том же языке, что и мы. Они не знают, что отличаются от нас, а мы не знаем, что не такие, как они. Когда они являются к нам в своих сновиденьях, мы не понимаем, что они чужаки, а когда мы попадаем в их страну в наших снах, нам кажется, что мы дома. Возможно, это потому, что дом добрых людей – у них в сердце, и где бы они ни были, они спокойны.

Страна-под-Закатом много веков представляла собой удивительную и милую землю. Все там было прекрасное, милое и чудесное. Только когда пришел грех, все, что там находится, начало терять свою совершенную красоту, но даже сейчас это удивительная и приятная земля.

Так как солнце там жаркое, по обеим сторонам каждой дороги высажены огромные деревья, которые распростерли во все стороны свои толстые ветви. Они служат кровом для путешественников. Вместо верстовых столбов там фонтаны с вкусной, холодной водой, такой чистой и прозрачной, что, когда странник подходит к одному из них и садится на резное каменное сиденье, у него вырывается вздох облегчения, так как он понимает, что отдохнет здесь.

Когда здесь закат, там – середина дня. Облака собираются и укрывают землю от жаркого солнца. Потом все ненадолго засыпает. Это приятное, спокойное время называется Временем Отдыха.

Когда оно наступает, птицы прекращают петь и сидят, тесно прижавшись друг к другу, под широкими карнизами домов или на ветвях деревьев, в том месте, где они растут из стволов. Рыбы перестают сновать в воде и забиваются под камни, их плавники и хвосты не двигаются, будто мертвые. Овцы и коровы лежат под деревьями. Мужчины и женщины ложатся в гамаки, висящие между деревьями или на верандах домов. Потом, когда солнце уже не палит так яростно и облака тают, все живое просыпается.

Единственные существа, которые не спят во Время Отдыха, – это собаки. Они лежат очень тихо, уснув лишь наполовину – открыв один глаз и насторожив одно ухо, и все время на страже. Если во Время Отдыха появляется какой-нибудь чужак, собаки поднимаются и смотрят на него, тихо, без лая, чтобы никого не потревожить. Они сразу понимают, безобиден ли

незнакомец, и если это так, то снова ложатся, и незнакомец тоже ложится до тех пор, пока не закончится Время Отдыха.

Но если собаки решат, что чужак пришел с недобрыми намерениями, они громко лают и рычат. Услышав их, коровы начинают мычать, а овцы – блеять, птицы чирикают и кричат очень громко, но не музыкально, и даже рыбы мечутся и плещутся в воде. Мужчины просыпаются, выпрыгивают из гамаков и хватаются за оружие. Тогда для незваного гостя наступает трудное время. Его ведут прямо в суд, и если находят виновным, то либо сажают в тюрьму, либо изгоняют. Потом мужчины возвращаются в свои гамаки, и все живые существа снова ложатся отдыхать до того момента, когда заканчивается Время Отдыха.

Если незванный гость приходит с недобрыми намерениями ночью, происходит то же самое, что и во Время Отдыха. Ночью не спят только собаки, больные и их сиделки.

Человек может покинуть Страну-под-Закатом только в одном направлении. Тот, кто попадает туда во сне, или тот, кто посещает во сне наш мир, приходит и уходит, сам не зная как; но если его житель пытается покинуть эту страну, он может это сделать только одним способом. Попытайся он уйти как-то по-другому, и он будет идти все дальше и дальше, поворачивая, сам того не зная, пока не придет в то единственное место, из которого только и может покинуть Страну-под-Закатом.

Это место называется Порталом, и там стоят на страже Ангелы.

Точно посередине Страны высится королевский дворец, а от него во все стороны расходятся дороги. Когда король стоит на вершине башни, высоко поднимающейся из середины дворца, он может смотреть на эти дороги, и все они совершенно прямые. Кажется, что они становятся все уже и уже по мере удаления, пока, наконец, совсем не исчезают вдаль.

Вокруг королевского дворца расположены дома знатных вельмож, и каждый из них по размерам пропорционален рангу его владельца. За этими домами стоят дома менее знатных дворян, а потом – дома простолюдинов, тем меньших размеров, чем дальше они от дворца. Но каждый дом, большой или маленький, выстроен посреди сада, в котором есть фонтан и ручей, большие деревья и клумбы с прекрасными цветами.

Дальше, по мере приближения к Порталу, местность становится все более дикой. За ней раскинулись леса и огромные горы, полные глубоких пропастей, темных как ночь. Здесь поселились дикие звери и все злобные твари.

Затем начинаются болота, трясины, глубокие, уходящие из под ног топи и густые джунгли. Потом места становятся такими глухими, что в них полностью пропадают все тропы.

О том, что обитает в дикой глуши дальше, не знает никто. Некоторые говорят, что там живут великаны, которые до сих пор существуют, и растут все ядовитые растения. Говорят, что там дует злой ветер, который уносит оттуда семена бедствий и разносит их по всей земле. Некоторые говорят, что тот же злой ветер приносит болезни и чуму, которые там живут. Другие говорят, что там, в болотах, живет Голод, и он выжидает момента, когда люди становятся испорченными – настолько испорченными, что духи, которые охраняют эту землю, так горько рыдают, что не видят, как он проходит мимо них.

Люди шепчутся, что в Безлюдных местах за болотами находится царство Смерти, чей замок столь ужасен с виду, что никто никогда не смог его увидеть, а потом выжить и рассказать, какой он. Еще говорят, что все те злые существа, которые обитают на болотах, – это непослушные Дети Смерти, которые ушли из дома и не могут найти дорогу назад. Но никто не знает, где находится замок Короля-Смерти. Все мужчины и женщины, мальчики и девочки, и даже совсем крошечные младенцы должны жить так, чтобы, когда им придется войти в замок и увидеть мрачного Короля, они не боялись бы посмотреть ему в лицо.

Долгое время Смерть и его Дети оставались за пределами Портала, а все, что внутри, было радостью. Но потом настало время, когда все изменилось. Сердца людей стали холодными и жестокими от гордости за свое процветание, и они не усвоили преподанные им уроки. Затем,

когда внутри людей окончательно воцарились холодность, равнодушие и презрение, стоящие на страже Ангелы увидели в ужасах, что ждали снаружи, наказание и урок, который мог бы пойти людям на пользу.

Хорошие уроки пришли – как это часто бывает со всем хорошим – после страданий и испытаний, и они многому научили людей. История о них – это урок для умных.

Итак, у Портала вечно стоят на страже два Ангела, огромных и бдительных; они неизменно опекают людей, и у них всего одно имя на двоих. Каждого из них или обоих, если с ними заговаривали, называют полным именем. Один из них знает столько же, сколько другой, обо всем, о чем только можно знать. Это не так уж странно, так как оба они знают всё. Их зовут Фид-Деф.

Рядом с Фид-Деф всегда находится Ангел-Дитя, чудеснее солнечного света. Контур его прекрасного тела такие нежные, что кажется, будто он растворяется в воздухе; он похож на святой, живой свет.

Он не стоит, как другие Ангелы, а парит, то поднимаясь, то опускаясь, то планируя по округе. Иногда он подобен крохотной искорке, а потом вдруг, совершенно при этом не меняясь, становится больше, чем огромные духи-хранители, которые всегда одинаковы.

Фид-Деф любят Ангела-Дитя, и, когда тот время от времени поднимается ввысь, они направляют свои огромные белые крылья, и он иногда стоит на них. Его собственные прекрасные мягкие крылья ласково обвевают их лица, когда они поворачиваются к нему и говорят с ним.

Ангел-Дитя никогда не переступал порог Портала. Он смотрел на глушь вдали, но никогда не высовывал наружу даже кончика крыла. Разумеется, Ангел-Дитя постоянно задавал Фид-Дефу вопросы, ведь ему так хотелось знать, что находится за Порталом и чем все, что лежит там, отличается от того, что внутри.

Вопросы и ответы Ангелов не похожи на наши вопросы и ответы, так как им не нужна речь. Стоит только возникнуть мысли о желании что-то узнать, и вопрос уже задан, а ответ – получен. Но все же вопрос задавал Ангел-Дитя, а ответ давали Фид-Деф; и, если бы мы знали не-язык, на котором не-говорят Ангелы, вот что бы мы услышали.

– Разве Кьяро¹ не прекрасен?

– Да, он очень красив. Он станет новой силой в Стране.

Тут Кьяро, который стоял одной ногой на перекрылье Фид-Дефа, произнес:

– Скажите мне, Фид-Деф, что это за существа ужасного вида по ту сторону Портала?

Фид-Деф отвечали:

– Это Дети Короля-Смерти. Самый ужасный из них, окутанный мраком, – это Скуро², Злой Дух.

– Какой у них страшный вид!

– Очень страшный, дорогой Кьяро; и эти Дети Смерти хотят пройти через Портал и ступить на нашу землю.

Услышав эту ужасную новость, Кьяро взмыл вверх и стал таким огромным, что вся Страна-под-Закатом ярко осветилась. Вскоре, однако, он начал уменьшаться, пока не превратился в крохотную искру, словно цветной лучик в темной комнате, когда солнце проникает в узкую щелочку. Он спросил Ангелов Портала:

– Скажите мне, Фид-Деф, почему Дети Смерти хотят войти сюда?

– Потому, милое дитя, что они злые. Они хотят развратить сердца обитателей Страны.

– Но скажите мне, Фид-Деф, могут ли они войти? Ведь наверняка, если Всеобщий Отец скажет «Нет!», они должны остаться навсегда за пределами Земли.

После паузы прозвучал ответ Ангелов Портала:

¹ Chiaro (итал.) – светлый, ясный.

² Scuro (итал.) – мрачный.

– Всеобщий Отец мудрее, чем можем представить себе даже мы, Ангелы. Он ниспровергает злые силы их собственными средствами и ловит охотника в его же силки. Дети Смерти, когда они войдут, как намереваются, принесут много пользы Стране, которой хотят причинить вред. Ибо – увы! – сердца людей уже развращены. Они забыли уроки, которые им некогда преподали, и не понимают, что им следует быть благодарными за свою счастливую долю, ведь они не ведали беды. Люди должны узнать немного боли, печали или грусти, чтобы понять ошибочность своего поведения.

Произнося эти слова, Ангелы плакали, горюя о несправедных деяниях людей и о страданиях, которые те должны испытать.

Ангел-Дитя в испуге спросил:

– Значит, это ужасное существо, Скуро, тоже должно прийти на нашу Землю? О горе, горе!

– Милое дитя, – ответили Духи-Хранители, а Ангел-Дитя забрался к ним на грудь, – на тебя возлагается большая ответственность. Дети Смерти скоро придут сюда. Тебе же доверено следить за ужасным Скуро. Куда бы он ни шел, ты должен тоже быть там, и никакой ущерб не должен быть нанесен им, кроме того, который назначен и дозволен свыше.

Ангел-Дитя, преисполнившись благоговения от такого доверия, решил, что он должен хорошо выполнить свой долг, а Фид-Деф продолжали:

– Ты должен знать, милое дитя, что без тьмы нет страха перед невидимым; даже ночная тьма не может испугать, если в душе есть свет. У добрых и чистых нет страха ни перед пагубными явлениями земли, ни перед Силами, которые невидимы. Тебе доверено охранять чистых и праведных. Скуро окутает их своим мраком, но тебе поручено проникать в их сердца и при помощи своего всепобеждающего света сделать так, чтобы мрак этого Сына Смерти стал для них невидимым и неведомым. Но от злонамеренных – от испорченных, и неблагодарных, и непростяющих, и нечистых, и несправедных – держись подальше, и, когда они будут искать тебя, чтобы ты их утешил, – как и должны, – они тебя не увидят. Они увидят только мрак, который твой далекий свет вынудит казаться еще более темным, потому что тень будет таиться в их душах. Но, о дитя, наш Отец невероятно добр. Он повелевает, чтобы, если кто-нибудь из злонамеренных раскается, ты в тот же миг прилетел бы к нему, и помог ему, и подбодрил его, и прогнал от него мрак. Если же такой человек лишь делает вид, будто раскаялся, задумав снова взяться за старое, когда минует опасность, или если он поступает так из страха, тогда ты скроешь свой яркий свет, чтобы мрак еще больше сгустился над ним. А теперь, милый Кьяро, стань невидимым. Приближается время, когда Сыну Смерти будет позволено прийти в Страну. Он попытается войти украдкой, и мы позволим ему это, так как мы должны стать невидимыми и неизвестными, чтобы выполнить свои обязанности.

Затем Ангел-Дитя медленно растаял, и ничьи глаза – даже глаза Фид-Дефа – не могли его увидеть, а Духи-Хранители стояли, как обычно, рядом с Порталом.

Наступило Время Отдыха, и все было тихо в Стране.

Когда Дети Смерти увидели издалека, из своих болот, что ничто не шевелится, кроме Ангелов, стоящих, как всегда, на страже, они решили сделать еще одну попытку проникнуть в Страну. Для этого они разделились на много частей, и все части приняли разную форму, но по направлению к Порталу двинулись вместе. Так Дети Смерти переступили порог Страны.

На крыльях пролетающей птицы пришли они; на облаке, медленно плывущем по небу; в змеях, ползущих по земле; в червях, мышах и кротах, ползущих под землей; в рыбах, которые плыли, и в насекомых, которые летели. По воде, по земле и по воздуху пришли они.

Вот так, беспрепятственно, многими путями, Дети Смерти проникли в Страну-под-Зака-том, и с того часа все в той прекрасной стране изменилось.

Дети Смерти не дали о себе знать все и сразу. Один за другим те из них, кто был храбрее, подкрадывались губительными шагами и наполняли сердца страхом.

Тем не менее все они, как один, преподали людям горький урок, и урок тот навечно остался в сердцах обитателей Страны.

Принц Роз

Давным-давно – так давно, что если даже постараться вспомнить самые далекие времена, то эта история все равно окажется в прошлом, – в Стране-под-Закатом правил король Маго.

Маго был стар, и его белая борода выросла такой длинной, что почти касалась земли; все его правление прошло в стараниях сделать свой народ счастливым.

У короля был единственный сын, которого он очень любил. Впрочем, принц Зафир казался вполне достоин любви отца, так как он был необыкновенно хорош.

Маленький принц никогда не видел свою прекрасную, милую мать, которая умерла вскоре после его рождения. Часто, думая о том, что у других мальчиков есть любящие матери, у колен которых они учатся молиться и которые приходят поцеловать их перед сном, Зафир очень грустил о том, что сам он лишен этого счастья. «Как странно, – думал мальчик, – что у многих бедных людей во владениях моего отца есть матери, тогда как у меня, принца, ее нет». Когда он думал об этом, в нем зарождалось смирение, ведь Зафир знал, что ни власть, ни богатство, ни молодость, ни красота никого не спасут от судьбы всех смертных и что единственная красота на свете, которая живет вечно, – это чистая, прекрасная душа. Тем не менее принц всегда помнил, что, хотя он лишен матери, зато у него есть отец, который его очень любит, и это утешало и успокаивало наследника Маго.

Он всегда много размышлял о самых разных вещах и часто даже в светлое время отдыха, когда все люди спали, шел в лес рядом с дворцом и думал, думал обо всем прекрасном и истинном, а его верный пес Гомус лежал у его ног и иногда вилял хвостом, словно хотел сказать: «Я здесь, принц; я тоже не сплю».

Принц Зафир был таким хорошим и добрым, что никогда не причинял зла ни одному живому существу. Если он видел червя, ползущего по дороге, то осторожно перешагивал через него, чтобы не наступить. Если он видел муху, упавшую в воду, то бережно вынимал ее и снова подбрасывал в сияющий воздух. Все животные, которые хоть раз видели принца, узнавали его, и, когда он приходил к своей любимой скамье в лесу, они поднимали радостный шум. Яркие насекомые, цвет которых то и дело меняется, принимали самую яркую окраску и купались в лучах солнца, косо падающих между стволами деревьев. Другие, более шумные, приглушали свои «инструменты», чтобы его не потревожить, а мелкие птички, отдыхающие на деревьях, открывали свои круглые блестящие глаза, просыпались, моргали на ярком солнце и пели свои самые веселые, самые красивые песенки. Так всегда бывает с нежными, любящими людьми; все живые существа, чьи голоса так же красивы, как голоса мужчин или женщин, и у которых есть свой собственный язык, хоть мы его и не понимаем, радостно приветствуют их – по-своему, но очень мило.

Король Маго гордился своим храбрым, добрым, красивым мальчиком и любил, когда тот красиво одевался; впрочем, всем людям в королевстве также нравились ясное лицо принца и его яркие одежды.

Однажды король поручил нескольким крупным торговцам обшарить все края, ближние и дальние, и отыскать самое большое и самое прекрасное перо, какое только видели люди. Это перо он повелел пришить к красивой шапочке цвета рубина и закрепить его брошью, сделанной из огромного бриллианта, а потом подарил шапочку сыну на день рождения.

Когда принц Зафир шел по улицам, люди издали замечали огромное белое перо. Все радовались, когда видели его, бросались к окнам и дверям, стояли, кланяясь, улыбаясь и махая руками проходившему мимо прекрасному мальчику. Зафир всегда кланялся и улыбался в ответ, ведь он любил свой народ и купался в его любви.

При дворе короля Маго у Зафира была подруга, которую он очень любил. Ее звали принцесса Колокольчик, и она была дочерью другого короля, несправедливо лишенного престола

жестоким и коварным врагом. Отец принцессы приехал к королю Маго просить помощи и, хотя и не получил ее, остался при дворе, где и умер, прожив там много лет. Король Маго не оставил маленькую сироту и вырастил как собственного ребенка. Подлого же узурпатора настигла страшная месть: на его владения напали великаны и убили самого правителя, его семью, а также всех людей, живших на той земле, и даже всех животных, за исключением диких, которые сами были похожи на великанов. Со временем пустые дома начали разрушаться, а прекрасные сады пришли в запустение и одичали. Неудивительно, что, когда по прошествии многих лет великаны устали от убийств и вернулись к себе домой в глухие земли, страна, принадлежащая принцессе Колокольчик, оказалась в таком запустении, что никто из попавших туда не догадывался, что в ней когда-то жили люди.

Принцесса Колокольчик была очень юной и очень красивой. Как и принц Зафир, она никогда не знала материнской любви, так как ее мать тоже умерла, когда девочка была совсем маленькой. Колокольчик была очень привязана к королю Маго, а принца Зафира любила больше всех на свете. Они были неразлучны, и не было в его душе ни одной мысли, о которой принцесса не знала бы еще до ее появления. Принц Зафир тоже любил подругу сильнее, чем можно выразить словами; ради нее он сделал бы все что угодно, какая бы опасность ему ни грозила. Мальчик надеялся, что, когда он станет мужчиной, а она – женщиной, Колокольчик выйдет за него замуж, и они будут вместе помогать королю Маго править королевством справедливо и мудро, делая все возможное, чтобы никто из его жителей не страдал и ни в чем не нуждался. Король Маго всячески поддерживал их в этом стремлении: он даже велел изготовить два маленьких трона и установить их по обе стороны от своего собственного. Когда Маго торжественно восседал на своем большом троне, двое детей сидели рядом и учились быть королем и королевой.

У принцессы Колокольчик были отороченная горностаем мантия, маленький скипетр и маленькая корона, совсем как у настоящей королевы, а у принца Зафира – меч, сверкающий, как вспышка молнии, который висел у него на поясе в золотых ножнах.

Придворные обычно собирались за тронем короля, и среди них было много великих и добрых, но были и другие, тщеславные и эгоистичные.

Там был Флосбос, первый министр, очень старый человек с длинной бородой, похожей на белый шелк, владевший белой волшебной палочкой с надетым на нее золотым кольцом.

Там был Джанисар, командир стражников, с задорно торчавшими усами, носивший тяжелые латы.

Еще там был старый Туфто, придворный, который ничего не делал, только пировал в компании знатных аристократов и оказывал им почести, и все они, знатные и незнатные, его презирали. Этот был толстый глупый старик, на голове которого не было ни волос, ни даже бровей, и – о, как забавно выглядел он со своей большой лысой головой, белой и гладкой.

Там был Щеголиус, глупый молодой придворный, который считал, что одежда – самая важная вещь в мире, и поэтому одевался в самые красивые наряды, какие только мог достать. Но люди лишь улыбались, глядя на него, а иногда и смеялись, потому что уважают не за красивую одежду, а за то, что есть в самом человеке, который ее носит. Щеголиус всегда и везде старался протиснуться вперед, чтобы похвастать своей красивой одеждой; он думал, что, поскольку другие придворные не пытаются так же оттолкнуть его в сторону, значит, они признают за ним право быть первым. Однако это было вовсе не так: они лишь презирали франта и не хотели поступать так же, как он.

Там был также Чучелус, прямая противоположность Щеголиуса; он думал – или делал вид, будто думает, – что неаккуратность – это хорошо, и так же или еще больше гордился своими лохмотьями, как Щеголиус – красивым костюмом. Его тоже презирали – за тщеславие, что делало его смешным.

Еще там был Трешоткинс, который только и делал, что говорил с утра до ночи; он бы говорил и с ночи до утра, если бы нашел того, кто бы его слушал. Над ним тоже смеялись, потому что люди не могут все время говорить разумные вещи, если говорят слишком много. Глупости запоминаются, а умные мысли забываются, и поэтому таких чересчур болтливых людей начинают считать глупыми.

Но не следует думать, будто все при дворе доброго короля Маго были такими, как эти люди. Нет, там было много, очень много достойных, замечательных, благородных и отважных людей; но такова жизнь в каждой стране, даже в Стране-под-Закатом, что там есть люди глупые и умные, трусливые и храбрые, жадные и щедрые.

Дети, которые хотят стать людьми хорошими, благородными и даже великими, должны стараться хорошо узнать всех тех, с кем они встречаются – тогда они обнаружат, что нет никого, в ком не было бы много хорошего. Видя же в другом человеке большую глупость, или жадность, или трусость, или порок, или слабость, они должны внимательно посмотреть на себя. Тогда они увидят, что, возможно, в них самих тоже есть подобные недостатки, – хотя, быть может, эти качества проявляются не точно таким же образом, – и тогда они должны постараться побороть их в себе. Поступая так, они будут, взрослея, становиться лучше и лучше, а другие люди будут изучать их и, когда увидят, что у них нет недостатков, начнут их любить и уважать.

Итак, однажды король Маго восседал на троне, в парадных одеждах и с короной на голове, держа в руке скипетр. По правую руку от него сидела принцесса Колокольчик в своей мантии, в короне и со скипетром, а рядом лежала ее любимица, собачка по имени Смг. Сначала ее называли Сумог, потому что собаку Зафира звали Гомус, и это было его имя, написанное задом наперед, но оказалось, что его невозможно выкрикнуть, а можно лишь произнести шепотом. Впрочем, в большем Колокольчик не нуждалась, так как Смг никогда не отходила от нее далеко, всегда находясь поблизости от своей хозяйки и следя за ней. Слева от короля на маленьком троне сидел принц Зафир со своим блестящим мечом и огромным пером на шапочке.

Маго издавал законы на благо своего народа. Вокруг него собрались все придворные, и множество людей стояло в зале, а еще больше – на улице возле дворца.

Внезапно послышался громкий шум – шелчки кнута и звуки рожка. Звуки все приближались, и люди на улице начали перешептываться. Поднялся громкий крик, и короля перестали слушать, потому что все повернули головы, чтобы посмотреть, кто это приближается. Наконец толпа расступилась, и в зал вбежал курьер – в сапогах со шпорами, весь покрытый пылью. Он опустился перед королем на одно колено и протянул монарху документ, который тот взял и нетерпеливо прочел. Люди молча ждали новостей.

Король был глубоко тронут, но понимал, что его народ встревожен, поэтому он встал и заговорил:

– Мой народ, беда и горе пришли на нашу землю. Из этого послания мы узнали, что в провинции Суб-Тегмин появился ужасный великан, который вышел из болот за Ничьей Землей и начал опустошать страну. Но не страшись, народ мой, так как сегодня вечером много вооруженных солдат выступит в поход и к закату завтрашнего дня, надеюсь, великан падет.

Люди склонили головы и тихо поблагодарили Маго, а потом разошлись по своим домам.

В тот же вечер отряд отборных храбрых солдат выступил на войну с великаном, и люди веселыми криками провожали их в дорогу.

Весь следующий день и следующую ночь народ и король очень тревожились, хотя и ожидали на следующее утро вести о том, что великан повержен. Но до темноты не пришло никаких известий, а потом в город вернулся всего один измученный воин – сплошь покрытый пылью и кровью и смертельно раненный.

Люди расступились перед ним, и воин, подойдя к трону, низко поклонился, а потом произнес:

– Увы, мой король! Я должен сообщить вам, что ваши солдаты убиты – все, кроме меня. Великан торжествует и движется к городу.

Сказав это, воин, терзаемый сильной болью от ран, несколько раз вскрикнул и упал, а когда его подняли, он был уже мертв.

Услышав печальное известие, люди зарыдали, и громче всех – вдовы погибших солдат. Издавая горестные крики, они подходили к трону короля, падали перед ним на колени и, высоко воздевая руки, повторяли:

– О, король! О, король! – больше они ничего не могли выговорить из-за рыданий.

Тут Маго ощутил сильную боль в сердце. Он попытался утешить подданных, но лучшим средством утешения были его слезы, потому что слезы друзей помогают облегчить горе. Обратившись к народу, он сказал:

– Увы! Наших солдат было слишком мало. Сегодня вечером мы пошлем армию, и, быть может, великан падет.

В тот вечер доблестная армия с многочисленными боевыми орудиями, развевающимися знаменами выступила под музыку оркестров в поход против великана. Во главе ее ехал командир Джанисар в стальных доспехах, инкрустированных золотом и сверкающих в лучах заката. Красно-белая сбруя его огромного вороного боевого коня выглядела великолепно. Рядом с ним какую-то часть пути проехал принц Зафир на своей белой лошадке.

Все люди собрались проводить армию и пожелать ей успеха, и многие глупцы, верящие в приметы на удачу, бросали вслед воинам старые башмаки. Один такой башмак попал в Щеголиуса, который, как всегда, пробрался в самый первый ряд, чтобы похвастаться, и подбил ему глаз, а вакса попала на его новый наряд и испортила его. Другой башмак – тяжелый, с металлическим каблуком – ударил Туфто, который беседовал с Джанисаром, прямо по лысой макушке и поранил ее, вызвав всеобщий смех.

Вы только представьте себе, как презирали этого человека, если люди смеялись, когда он оказался ранен! Старый Туфто очень рассердился и заплясал на месте, но от этого горожане захохотали пуще прежнего, потому что нет ничего смешнее, чем человек, который так злится, что теряет всякое самообладание.

Зато уходящую армию провожал всеобщий радостный крик. Даже бедные вдовы погибших солдат приветствовали воинов, а те смотрели на них и принимали твердое решение победить или умереть, как храбрецы, выполняющие свой долг.

Принцесса Колокольчик и король Маго поднялись на башню дворца и оттуда вместе смотрели, как уходят вдаль колонны солдат. Король вскоре вернулся в замок, а Колокольчик смотрела на шлемы, блестящие в закатных лучах, пока солнце не ушло за горизонт.

В это время принц Зафир, который уже вернулся, пришел к ней. В сумерках, на вершине башни, когда внизу под ними, в городе, бились тысячи нетерпеливых, встревоженных сердец, а над головой раскинулось прекрасное небо, эти двое детей опустили на колени и помолились за успех армии завтра утром.

В ту ночь в городе никто не спал.

На следующий день людей охватила тревога, и по мере того, как проходил день, а никаких новостей не было, они тревожились все сильнее.

К вечеру вдалеке послышался какой-то шум, и жители города поняли, что там идет бой. В ту ночь по всему городу зажгли сторожевые костры, и ни один человек не лег спать, ожидая вестей.

Но никаких вестей не приходило.

Тогда горожан охватил столь великий страх, что лица мужчин и женщин побелели как снег, а их сердца стали такими же холодными. Долго, очень долго они молчали, потому что никто не смел заговорить. Наконец одна из вдов погибших солдат встала и сказала:

– Будь что будет. Я пойду на поле боя, посмотрю, как там дела, и принесу известия, чтобы успокоить ваши несчастные трепещущие сердца.

Тогда многие мужчины встали и сказали:

– Нет, так не годится. Будет позором для нашего города, если женщина пойдет туда, куда не смогли пойти мужчины. Это должны сделать мы.

Но вдова ответила им с грустной улыбкой:

– Увы! Я не боюсь смерти, потому что мой отважный муж убит, и не хочу жить. Вы же должны защищать город. Пойду я.

И в этот серый, холодный предрассветный час женщина вышла из города и направилась к полю боя. Она ушла и исчезла вдаль, словно призрак Надежды, уходящий прочь от встревоженных горожан.

Поднялось солнце и все ярче светило на небе, пока не наступило время отдыха; но люди не обратили на него внимания, они всё смотрели и ждали.

Вскоре они увидели вдалеке фигуру бегущей женщины. Горожане кинулись ей навстречу и узнали вдову. Подбежав к ним, вдова закричала:

– Горе! Горе! Наша армия рассеяна, наши могучие воины погибли в расцвете сил. Великан торжествует, и я боюсь, что все потеряно.

При этом известии у людей вырвался громкий скорбный вопль, а потом наступила полная тишина – так велик был их страх.

Тогда король собрал весь свой двор и народ и стал держать совет, что лучше предпринять. Многие считали, что следует послать новую армию из тех, кто готов умереть, если понадобится, ради блага Страны, но многие были в растерянности.

Пока они спорили, принц Зафир сидел молча на своем маленьком троне; его глаза не раз наполнялись слезами при мысли о страданиях любимого народа. Теперь он поднялся и встал перед троном.

Воцарилось молчание.

Когда принц стоял, держа в руке шляпу, перед королем, его лицо выражало такую решимость, что у тех, кто это видел, невольно зародилась новая надежда.

– О, мой отец король, – сказал мальчик, – прежде чем вы примете решение, выслушайте меня. Если нашей Стране грозит опасность, справедливо будет, если первым ее встретит принц, которому доверяет народ. Если придется страдать от боли, кто должен чувствовать ее раньше него? Если кому-то суждено встретить смерть, конечно, она первым должна нанести удар по его телу. Отец мой король, подождите еще хотя бы один день и позвольте мне завтра выйти против великана. Эта вдова сказала, что сейчас он спит после сражения. Завтра я встречу с ним в бою. Если чудовищу суждено погибнуть, тогда все будет хорошо. Если же погибну я, тогда настанет время рискнуть жизнями ваших людей.

Король Маго понимал, что принц Зафир сказал хорошо, и хотя ему было очень страшно видеть, что его любимый сын подвергает себя такой опасности, он не стал пытаться остановить его, а ответил:

– О, сын, достойный быть королем, ты произнес замечательные слова! Да будет так, как ты желаешь.

Затем люди ушли из зала, а король Маго и Колокольчик поцеловали Зафира. Принцесса сказала:

– Зафир, ты правильно поступил, – и с гордостью посмотрела на него.

Вскоре принц лег спать, чтобы как следует отдохнуть и наутро быть сильным.

Всю ночь кузнецы, оружейники и гранильщики драгоценных камней усердно и споро работали. До наступления дня горели печи и звенели молоты о наковальни, а руки искусных ремесленников трудились без усталости. Утром они внесли в зал и выложили перед троном подарок принцу Зафиру: боевые доспехи, каких никто прежде не видывал.

Выкованные из стали и золота, они сплошь состояли из чешуек в форме листьев различных деревьев, отполированных так, что доспехи сверкали ярко, как солнце. Между листьями мастера укрепили драгоценные камни, а другие разместили прямо на них, будто капельки росы. Эти доспехи сверкали так, что слепили глаза того, кто на них смотрел: хитроумные оружейники нарочно сделали так, чтобы во время боя враг принца почти ослеп от их сияния, и его удары падали бы мимо цели. Шлем доспехов походил на цветок, и на нем выковали герб принца, а спереди прикрепили перо и большой бриллиант.

Когда Зафир облачился в эти доспехи, вид у него стал таким благородным и храбрым, что люди разразились криками восторга. Они кричали, что он непременно должен победить, и надежда вновь пробудилась в их сердцах.

Затем Маго благословил юного героя, а принцесса Колокольчик поцеловала его и подарила ему красивую розу, которую он прикрепил к своему шлему.

Под крики народа принц Зафир выступил на битву с великаном.

Его пес, Гомус, хотел пойти с принцем, но его нельзя было брать. Гомуса заперли, и он отчаянно выл, так как понимал, что его дорогому хозяину грозит опасность, и хотел быть рядом с ним.

Когда принц Зафир ушел, принцесса Колокольчик поднялась на вершину башни и смотрела ему вслед, пока он не отошел так далеко, что она уже не видела, как сверкают в лучах солнца его прекрасные доспехи. Прощаясь с Зафиром – а Колокольчик понимала, что, может быть, прощается с ним навсегда, – она не пролила ни слезинки, чтобы не огорчать своего любимого принца. Она знала, что Зафир идет на бой и ему потребуются вся его отвага и твердость. Вот почему последнее, что смельчак видел на лице принцессы, была улыбка, полная любви, надежды и доверия, и он отправился на битву, подкрепляемый мыслью о том, что ее сердце вместе с ним и что, хотя ее тело далеко, душа ее рядом.

Когда же принц ушел, по-настоящему ушел, скрылся из виду вдали и Колокольчик осталась стоять на башне одна, принцесса пролила много слез. Страх, что Зафир может погибнуть от руки злого великана, который уже уничтожил две армии, что она никогда больше не увидит любви в его дорогих, преданных глазах, никогда не услышит звуков его нежного, мягкого голоса, никогда не ощутит биения его большого, щедрого сердца, был так силен, что печаль в ее сердце едва не убила девочку. О, как горько рыдала Колокольчик!

Но пока она рыдала, ей пришла в голову мысль, что жизнь не зависит от сил людей или даже великанов; тогда принцесса осушила слезы, опустилась на колени и смиренно помолилась, а встав, получила утешение, как всегда бывает с людьми, когда они молятся от чистого сердца.

Затем Колокольчик спустилась в большой зал в поисках Маго; принцесса знала, что сердце правителя Страны обливается кровью из-за опасности, грозящей его сыну, и хотела утешить его, но в зале короля не оказалось. Тогда принцесса пошла в королевские покои и там наконец нашла Маго – также погруженного в молитву. Колокольчик опустилась на колени рядом, они обнялись – старый король и девочка-сирота – и помолились вместе, поддерживая и утешая друг друга, а потом принялись терпеливо ждать возвращения их любимого человека. Весь город тоже ждал возвращения принца, и ни днем, ни ночью никто в Стране-под-Закатом не сомкнул глаз.

А что же Зафир? Выйдя из города, он шел все дальше и дальше по направлению к великану, пока солнце в небесах не разгорелось так ярко, что его золотые доспехи засияли подобно пламени. Потом принц вошел под сень деревьев, но не останавливался даже в часы отдыха, а лишь без усталости шел все вперед и вперед.

К вечеру он услышал и увидел странные вещи.

Казалось, земля вдалеке тряслась, сопровождаемая глухим грохотом, словно кто-то переворачивал камни или ломал деревья в лесу. То были шаги великана, который направлялся к

городу. Но принц Зафир, хотя эти звуки были ужасными, не испугался, а храбро шел вперед. Потом ему стало попадаться множество живых существ, которые мчались прочь что было сил, – они бегали, летали и ползали быстрее всех своих собратьев и поэтому удрали от великана в первую очередь. Сотни и тысячи животных, больших и маленьких: те, кто ходят по земле, и все виды птиц поднебесных, и все насекомые, которые летают и ползают. Львы и тигры бежали рядом с лошадьми и овцами, мыши и крысы – рядом с кошками, волки – с ягнятами, а лисы – с курами, гусями и индюшками. Все испуганные настолько, что слабые уже не боялись сильных, а те не желали им навредить; и по мере того как великан и принц приближались друг к другу, их становилось все больше.

Однако, подбегая ближе, эти живые существа, казалось, понимали, что принц Зафир храбрее их, и они уступали ему дорогу. Самые слабые и те, кто боялся больше прочих, не продолжали бегство, а старались подойти к принцу как можно ближе, а многие даже повернули и пошли вслед за ним обратно, к великану, чтобы только быть возле Зафира.

Продолжив свой путь, принц вскоре встретил других животных: старых или раненых, которые не могли передвигаться так быстро, как молодые и полные сил, а также тех, кто по природе своей передвигался медленно. Они тоже не пытались бежать дальше, так как понимали, что будут в большей безопасности возле храброго человека, чем во время беспомощного бегства.

Потом принц Зафир увидел, еще очень далеко, нечто, напоминающее огромную гору. Она двигалась ему навстречу, и сердце мальчика быстро забилося, отчасти при мысли о предстоящем сражении, отчасти от надежды.

Великан подходил все ближе. Его шаги дробили скалы, а своей чудовищной дубиной он сметал леса, стоящие на его пути.

Живые существа за спиной у принца Зафира задрожали от страха и уткнулись мордами в землю: подобно некоторым людям, они, верно, думали, что если не видят чего-то нежелательного для себя, то оно перестает существовать. Очень глупо с их стороны.

Но вот великан подошел ближе, и принц Зафир понял, что час сражения настал.

Стоя лицом к лицу с врагом, таким могучим, какого ему еще не приходилось встречать, Зафир почувствовал то, чего никогда не чувствовал прежде. Дело не в том, что он боялся великана – в тот момент мальчик чувствовал себя таким смелым, что ради блага своего народа готов был с радостью принять самую мучительную смерть. Просто он увидел яснее, чем когда-либо раньше, что он – всего лишь песчинка, атом в огромном живом мире, и в одно мгновение осознал, что, если и одержит сегодня победу, то не из-за сильной руки и отважного сердца, но потому, что такова воля Того, Кто правит Вселенной.

Тогда принц Зафир помолился Создателю, смиренно прося даровать ему силу. Он сбросил свои роскошные доспехи, сияющие, подобно солнцу над землей, снял великолепный шлем и отложил в сторону сверкающий меч.

Это было прекрасное зрелище – мальчик, стоящий на коленях рядом с доспехами, что сверкали так красиво в ярких лучах заката, отбрасывая миллионы разноцветных бликов, и походили скорее на живое существо, чем на груды металла, золота и драгоценных камней. И все-таки она выглядела грустно, бедно и жалко рядом с мальчиком. Он стоял на коленях и смиренно молился, и в глубине его серьезных глаз горел свет правды и веры, которые жили в его чистом сердце и светлой душе.

Сверкающие доспехи выглядели как дело рук человеческих – рук добрых, верных людей; но прекрасный мальчик, стоящий на коленях, преисполненный веры и надежды, был созданием рук Бога.

Пока принц Зафир молился, он увидел всю свою прошлую жизнь, от самого первого дня, который помнил, до этого самого момента, когда он оказался лицом к лицу с великаном. Не было ни одной недостойной мысли, ни одного произнесенного им в сердцах слова, ни одного

гневного взгляда, обидевшего другого человека, о которых он не вспомнил. Столь тесной толпой обступили они его и мелькали так быстро, что принц горько поразился их числу.

Всегда бывает так: из-за черствости нашей души или легкомысленности мы не замечаем все те несправедливые поступки, которые совершаем, считая их незначительными. И с какой же горечью мы вспоминаем о них потом, когда опасность заставляет нас задуматься, сколь мало мы сделали для того, чтобы заслужить помощь, и сколь много – заслуживающего наказания.

Сердце принца Зафира очистилось раскаянием за все прошлые обиды, нанесенные другим, и он твердо решил в будущем быть хорошим. Когда же его покаянная молитва завершилась, он встал и почувствовал в своих руках силу, которой не знал прежде. Принц понимал, что это не его собственная сила и что он – лишь скромное орудие спасения своего возлюбленного народа, и сердце его преисполнилось благодарности.

Великан же вскоре увидел блеск золотых доспехов и понял, что новый противник уже рядом.

Он оглушительно взревел от гнева и ярости, и этот рев прозвучал подобно эху от удара грома, отразился от далеких холмов, прокатился по долинам и превратился в бормотание и тихое рычание, похожее на рычание диких зверей, в пещерах и горных твердынях. Таким ревом великан всегда начинал битву, чтобы устрашить своих врагов, но смелое сердце принца не затрепетало от страха. Напротив, услышав этот рев, он стал храбрее, чем когда-либо, ибо понимал, что сейчас мужество необходимо ему еще больше, чтобы люди, и даже король, его отец, и Колокольчик, не оказались во власти чудовища.

Пока ножищи великана вздымали пыль, уничтожая горы и леса и опустошая все вокруг, Зафир подобрал в русле ручья несколько круглых камешков и зарядил одним из них пращу, которую принес с собой.

Когда принц поднял руку и начал вращать пращу над головой, великан наконец-то увидел мальчика и, расхохотавшись, стал насмешливо тыкать в его сторону своими огромными пальцами, более грозными, чем когти тигра. Громоподобный смех великана был таким грубым, таким мрачным и кошмарным, что те животные, которые поднимали робкие взгляды, чтобы наблюдать за схваткой, опять уткнулись головами в землю и задрожали от страха.

Но в те самые мгновения, когда великан насмехался над своим врагом, Судьба вынесла свой приговор.

Круглый камень со свистом сорвался с пращи, вращающейся вокруг головы принца Зафира. Он попал великану прямо в висок, и с тем же издевательским смехом на губах и с протянутой в насмешку рукой тот рухнул ничком. Падая, великан испустил вопль – единственный, но настолько громкий, что он прокатился по горам и долинам подобно раскату грома. Услышав этот звук, все живые существа снова съежились и лишились сил от ужаса.

Далеко от того места люди в городе слышали этот вопль, но они не знали, что он означает.

Когда огромное тело великана рухнуло на землю, она задрожала от удара на много миль вокруг, а огромная дубина, выпав из руки, повалила множество высоких деревьев.

Увидев это, принц Зафир пал на колени и вознес горячую молитву в благодарность за победу. Впрочем, молитва его длилась недолго: зная, как сильно волнуются король и весь народ, мальчик поднялся и, позабыв о доспехах, бросился бежать к городу, чтобы поскорее принести радостное известие.

Спустилась ночь, и дорога была темной, но принц Зафир, преисполненный веры, отважно шел вперед, во тьму, с надеждой в сердце.

Вскоре вокруг него собрались все живые существа, которые были благодарны ему за спасение, и пошли за ним следом. Там было много благородных животных – львы, тигры и медведи, а также более смирные звери; их большие горящие глаза сияли как лампы и освещали мальчику путь.

Однако по мере приближения к городу дикие звери начали останавливаться, тихо рыча с сожалением: хотя они и доверяли Зафиру, но боялись других людей. В конце концов принц Зафир пошел дальше один.

Как я уже говорил, той ночью никто в городе не сомкнул глаз. Во дворце король Маго и принцесса Колокольчик ждали и смотрели вдаль, держась за руки, а на улицах люди сидели вокруг сторожевых костров и осмеливались только переговариваться шепотом.

Ночь тянулась мучительно долго.

Наконец восточный край неба начал светлеть, а потом полоса красного огня вдруг порезала горизонт, и встало солнце во всей красе. Наступил день. Люди, увидев свет и услышав пенье птиц, снова почувствовали надежду; и все же они с тревогой ждали возвращения принца. Ни король Маго, ни принцесса Колокольчик не смели подняться на башню, а терпеливо ждали в тронном зале, и лица их были бледны как смерть. Дозорные и те, кто к ним присоединился, смотрели на длинную дорогу, ожидая вот-вот увидеть золотые доспехи Зафира, сияющие в ярком утреннем свете, и огромное белое перо, которое все так хорошо знали, развевающееся на утреннем ветру. Они знали, что увидят его издали, и поэтому лишь время от времени смотрели вдаль.

Внезапно все разом закричали, повскакивав с мест, а потом воцарилась напряженная тишина. Потому что – о радость! – среди них, лишенный блестящих доспехов и развевающегося пера, но живой и невредимый, стоял их любимый принц.

«ПОБЕДА!» – говорил весь его облик.

Зафир улыбнулся горожанам и поднял руки, словно благословляя их, а потом махнул рукой в сторону дворца короля, как будто хотел сказать: «Наш король! Он имеет право первым услышать новости».

Он направился прямо в тронный зал, и все жители города последовали за ним.

Когда король Маго и принцесса Колокольчик слышали крик и последовавшую за ним тишину, их сердца забились, и они в ужасе стали ждать, что будет дальше. Не выдержав напряжения, принцесса заплакала и, дрожа, уткнулась лицом в грудь короля. А потом Маго вздрогнул, и Колокольчик быстро оглянулась. О радость! Ее любимый Зафир входил в зал, а за ним шли горожане.

Король сошел с трона, обнял сына и расцеловал его, и Колокольчик тоже обняла его и поцеловала прямо в губы.

– О, мой отец король, о, мой народ! – заговорил принц Зафир. – Бог был милостив к нам, и Его рука даровала нам победу. Внемлите: великан пал в мощи своей!

Тут поднялся такой шум, что крыша дворца зазвенела. На крыльях ветра ликующий крик полетел над городом, а радостная толпа кричала снова и снова, пока эти звуки волнами не разнеслись по всему королевству, и в тот час в Стране-под-Закатом царила только радость. Король так гордился храбрым сыном, а принцесса Колокольчик еще раз поцеловала его и назвала своим героем.

В это самое время далеко в лесу лежал поверженный в мощи своей великан – самое омерзительное существо во всей Стране. По его мертвому телу бегали лисы и горностаи, вокруг ползали змеи, из дальних краев слетались к своей добыче стервятники, и все те злые существа, которые убегали от чудовища, пока оно было живо, спешили туда.

Недалеко от убитого великана, сияя в лучах солнца, лежали золотые доспехи. Огромное белое перо возвышалось над шлемом, покачиваясь от ветра.

Когда люди пришли взглянуть на мертвого великана, они увидели, что там, куда пролилась его кровь, выросли зловонные травы, а доспехи, оставленные принцем, опоясывало кольцо красивых цветов. Прекрасней же всех был цветущий розовый куст – то роза, которую подарила Зафиру на прощанье принцесса Колокольчик, пустила корни, так что ныне шлем оказался заключен в венец из живых цветов.

Люди почтительно принесли доспехи домой, но принц Зафир сказал, что не золото, сталь и драгоценные камни, а верное сердце послужило ему лучшей защитой и что он не посмел бы снова надеть их. В память о победе над великаном было решено оставить доспехи в городском соборе, среди старых боевых знамен и шлемов древних рыцарей. Лишь перо, которое когда-то подарил Зафиру отец, принц снял со шлема и снова стал носить его на своей шапочке. А розовый куст пересадили в центр дворцового сада, и он вырос таким высоким, что множество людей могло укрываться от зноя под его цветущей кроной.

А еще ко дню рождения принца люди втайне приготовили ему сюрприз.

Когда Зафир встал поутру, чтобы идти в собор, все жители города выстроились вдоль его пути по обе стороны улицы. Каждый человек, и старый, и молодой, держал в руке розу – только одну, чтобы все жители города стали равными в глазах принца, которого они так любили; те, у кого было много цветов, делились ими с неимущими. Когда принц проходил мимо, каждый горожанин бросал ему под ноги цветок, со стебля которого предварительно срезали все шипы, чтобы Зафир не поранился. А потом люди вновь поднимали розы, к которым прикоснулись ноги их избавителя, и всю жизнь хранили их, как сокровища; и так случалось в каждый день рождения принца на протяжении всей его жизни. Когда же Зафир и Колокольчик поженились, жители города выстлали розами их путь от собора до самого королевского дворца.

Принц Роз, как нарекли Зафира, и его прекрасная жена жили долго и счастливо, окруженные всеобщей любовью. Когда дни короля Маго подошли к концу и он умер – как и положено всем людям, – они стали править Страной, как король и королева. Правление их было добрым и справедливым, ведь оба стремились сделать счастливыми других, – пусть даже отказывая в чем-то самим себе. И за это Бог благословил их мирной жизнью.

Невидимый великан

В Стране-под-Закатом время идет почти так же, как и здесь.

Много лет прошло, и много перемен случилось с тех пор, когда правил добрый король Маго. Люди, жившие в те времена, едва ли узнали бы свою прекрасную землю, если бы увидели ее снова.

Увы, перемены, о которых я говорю, были нерадостными. Любовь и уважение к королю остались в прошлом, люди стали более эгоистичными и жадными, стремясь урвать для себя всё, что только можно. Некоторые стали очень богатыми, но бедных было много больше. Большинство красивых садов пришли в запустение, а королевский дворец тесным кольцом окружили дома, и в некоторых из них ютилось очень много людей, каждый из которых мог позволить себе платить только за его часть. Словом, вся прекрасная Страна-под-Закатом изменилась, а жизнь ее населения стала печальной. Дороги перед правителем больше не устилали, как прежде, розами; люди почти забыли принца Зафира, умершего много лет назад, и смеялись над самой мыслью о великанах – они не боялись их, потому что никогда не видели. Некоторые говорили:

– Ерунда! Чего там бояться? Даже если когда-то и были великаны, сейчас их нет.

И поэтому люди пели, плясали и пировали, как прежде, и думали лишь о себе. Духи, охранявшие эту землю, очень, очень печалились. Их огромные белые крылья опускались, когда они стояли на своем посту у Портала Страны. Они прятали лица, а их глаза затуманились от постоянных слез, и они уже не замечали, проходят ли мимо них злые существа. Они пытались заставить людей думать о своих дурных поступках, но не могли оставить свой пост, и люди, слыша их стоны по ночам, говорили:

– Послушайте, как вздыхает ветерок; как это приятно!

У нас тоже всегда так бывает: когда мы слышим вздохи ветра, стоны и рыдания вокруг наших домов в тоскливые ночи, мы не думаем, что наши Ангелы грустят о наших неблагоприятных поступках, но считаем, что просто надвигается гроза. Так и Ангелы Страны-под-Закатом вечно печалились, оплакивая свою немоту, так как, хотя они и умели говорить, их не слышали те, к кому они обращались.

Но был в Стране один добрый старик по имени Ноул. Жил он в глуши, вдали от города, в доме, построенном из огромных каменных блоков. Пока люди смеялись при мысли о великанах, Ноул качал головой, слушая их, и говорил:

– У Короля-Смерти много детей, и в болотах еще живут великаны. Пускай вы их не видите, но они там, и единственный оплот безопасности – там, где живут терпеливые, преданные сердца.

В городе было много больших старых домов во много этажей, и в этих домах жило много бедняков. Чем выше вы поднимались по крутой лестнице, тем беднее были жившие там люди, а в мансардах ютились такие бедняки, что с наступлением утра они не знали, смогут ли что-нибудь поесть за весь долгий день. Это было очень, очень грустно, и добрые дети заплакали бы, если бы увидели их страдания.

В одной из таких мансард жила в полном одиночестве маленькая девушка по имени Зайа. Она была сиротой, так как ее отец умер много лет назад, а бедная мать, которая давно работала из последних сил ради своей дорогой доченьки, ее единственного ребенка, тоже недавно умерла.

Когда бедняжка Зайа увидела, что мать ее лежит мертвой, она плакала так горько, так долго грустила и страдала, что совсем забыла о том, что ей не на что жить. Хорошо что бедные люди, жившие в том же доме, отдавали ей часть своей еды, чтобы она не умерла с голоду.

Через какое-то время Зайа попыталась начать работать, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Мать научила ее делать цветы из бумаги, и когда девушка набирала полную корзину

таких цветов, то выносила их на улицу и продавала. Она делала разные цветы: розы и лилии, фиалки и подснежники, примулы и резеду и еще много красивых, милых цветов, которые растут только в Стране-под-Закатом. Некоторые цветы она мастерила по памяти, но иногда ей нужен был образец. Тогда Зайа клала в корзину бумагу, ножницы, клей и кисти, и все те вещи, которые могли ей понадобиться для работы, и шла в сад, принадлежащий одной доброй даме, где росло множество красивых цветов.

Иногда, вспоминая свою дорогую умершую мать, Зайа сильно грустила, и тогда слезы лились из ее глаз ручьем. Часто девушка чувствовала, что мать смотрит на нее с небес, или видела ее нежную улыбку в лучах солнца на воде; тогда сердце ее радовалось, и Зайа пела так прекрасно, что птицы прекращали петь сами и слетались к ней, чтобы послушать ее. Девушка очень подружилась с птицами, и иногда, когда она заканчивала петь песню, они вместе плакали, а потом птицы окружали ее кольцом и чирикали так, что становилось понятным – они просят ее:

– Спой нам еще. Спой еще!

И она пела, а потом просила спеть их, и получался настоящий концерт. Через некоторое время птицы так привыкли к Зайе, что залетали к ней в комнату и даже строили там гнезда. Куда бы ни шла Зайа, птицы летели вслед за ней, и видевшие это люди говорили:

– Посмотрите на эту девушку! Птицы знают ее и так любят. Должно быть, она и сама наполовину птица.

Из-за того, что так много людей говорили подобное, некоторые глупцы верили услышанному. Они качали головами, когда умные люди смеялись над ними, и говорили:

– Действительно, так и есть. Вы послушайте, как она поет – ее голос красивее птичьих.

Вот почему к Зайе прилипло прозвище Большая Птица, и вредные мальчишки на улице кричали ей вслед эти слова, желая причинить боль. Но Зайе не было неприятным данное ей имя. Напротив, она купалась в любви и доверии своих маленьких сладкоголосых любимцев и сама хотела, чтобы ее считали похожей на них. Да и то сказать, совсем недурно было бы некоторым избалованным мальчикам и девочкам стать такими же добрыми и безобидными, как маленькие птички, которые трудятся день-деньской ради своих беспомощных птенчиков: строят гнезда, приносят им еду и так терпеливо высиживают свои маленькие пестрые яйца.

Однажды вечером Зайа сидела в своей мансарде и смотрела на город. Стоял чудесный летний вечер, и из окна мансарды открывался прекрасный вид через много улиц на большой собор, шпиль которого поднимался в небо даже выше главной башни королевского дворца. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка, и дым из печных труб поднимался прямо вверх, все выше и выше, пока не исчезал совсем. Но девушку не радовала эта картина напротив, ей было очень грустно и одиноко, ведь впервые за много дней все ее друзья-птицы вдруг покинули Зайю, и она не знала, куда они пропали.

Девушка вспоминала одну историю, которую когда-то рассказала ей покойная мать – как принц Зафир убил великана и гадала, каким был этот принц. «Как же, наверное, счастливо жили люди, когда Зафир и Колокольчик были их королем и королевой», – думала она. Потом девушка задумалась о том, были ли в те славные времена голодные дети, и правы ли люди, когда говорят, что сейчас больше нет великанов?

С этими мыслями она продолжала работать у открытого окна, но вскоре подняла взгляд от незаконченного цветка и посмотрела вдаль, через город. Картина, представшая взору Зайи, была столь ужасна, что девушка тихо вскрикнула от страха и изумления и высунулась из окна, приставив ладонь к глазам, чтобы лучше видеть.

В небе над городом она увидела огромную темную фигуру с поднятыми руками. Ее покрывали колоссальные одежды из тумана, растворяющиеся в воздухе, так что Зайа видела только лицо и страшные прозрачные руки. Эта фигура выглядела такой могучей, что город под ней казался детской игрушкой. А ведь она все еще находилась далеко от города.

Девушке показалось, что от страха у нее остановилось сердце, и она подумала: «Значит, великаны не умерли. Это один из них».

Быстро сбегав по длинной лестнице, Зайа выскочила на улицу и закричала:

– Смотрите! Смотрите! Великан! Великан! – с этими словами она указала рукой на фигуру, которая по-прежнему двигалась в сторону города.

Люди посмотрели вверх, но, ничего не увидев, рассмеялись и сказали:

– Девочка сошла с ума.

Бедная маленькая Зайа испугалась еще больше и побежала по улице с криками:

– Смотрите, смотрите! Великан, великан!

Увы, ее никто не слушал, все лишь повторяли: «Девочка сошла с ума» – и шли дальше по своим делам.

Потом девушку окружили вредные мальчишки и закричали:

– Большая Птица потеряла своих друзей! Она видит в небе большую птицу и хочет ее достать!

И мальчишки принялись сочинять о Зайе стишки-дразнилки, а потом распевать их, приплясывая вокруг бедняжки.

Кое-как вырвавшись от насмешников, Зайа пустилась бежать. Выскочив из города, она устремилась в поля, простирившиеся за ним, но по-прежнему видела перед собой огромную фигуру в воздухе.

Она бежала все дальше и дальше, и с каждым шагом небо становилась чуть темнее. Зайа видела только облака, но в них смутно вырисовывалась фигура великана, висящая в воздухе.

Холодный туман сомкнулся вокруг бедняжки; казалось, великан приближается, надвигается на нее. Зайа подумала обо всех бедных людях в городе, опустилась на колени и, умоляюще подняв руки, громко воскликнула:

– О, могучий великан! Пощади их, пощади!

Но великан продолжал двигаться вперед, будто ничего не слышал.

Девушка опять закричала:

– О, могучий великан! Пощади их, пощади!

Потом она склонила голову и зарыдала, а великан продолжал двигаться вперед, к городу, хотя и очень медленно.

Неподалеку, в дверях маленького домика, построенного из больших камней, стоял старик, но Зайа его не видела. Когда старик увидел, как девушка встала на колени и подняла руки, на его лице отразились страх и изумление. Когда же он услышал слова «О, могучий великан», старик пробормотал себе под нос:

– Этого я всегда и боялся. Значит, есть еще великаны, и это воистину один из них.

Потом он посмотрел вверх, но ничего не увидел и снова пробормотал:

– Я ничего не вижу, но эта девочка – видит; и все-таки я опасался, так как что-то мне подсказывало, что опасность существует. Поистине, знание делает человека еще более слепым, чем неведение.

Маленькая девушка, все еще не подозревая, что рядом с ней находится другой человек, снова крикнула голосом, исполненным страдания:

– О, могучий великан, не причиняй, не причиняй им зла! Если кто-то должен пострадать, пусть это буду я. Возьми меня и делай со мной все, что пожелаешь. Я готова умереть, но пощади их, могучий великан!

Но великан не слышал, зато Ноул – потому что именно он был тем стариком – почувствовал, как его глаза наполнились слезами, и сказал себе:

– О, благородное дитя! Как она отважна, раз готова пожертвовать собой!

И, подойдя ближе, он опустил ладонь на склоненную голову Зайи.

Почувствовав его прикосновение, Зайа вздрогнула и оглянулась, но увидев, что это Ноул, успокоилась – она знала, какой он мудрый и добрый, и понимала: если кто-то и может ей помочь, то только этот старик. И девушка прижалась к Ноулу, спрятав лицо на его груди, а он гладил ее волосы и утешал ее, хоть по-прежнему ничего не видел.

Холодный туман пронесся мимо, и когда Зайа взглянула вверх, то увидела, что великан миновал их и движется по направлению к городу.

– Пойдем со мной, дитя мое, – сказал ей старик, и они, поднявшись, вошли в его жилище, построенное из огромных камней.

Оказавшись внутри, Зайа вздрогнула: слишком уж дом Ноула походил на склеп. Старик почувствовал ее дрожь, так как все еще обнимал девушку за плечи, и сказал:

– Не плачь, малышка, и не бойся. Это место напоминает мне и каждому, кто сюда приходит, что в конце концов мы все окажемся в могиле. А для меня оно давно стало милым домом.

После этого маленькая девушка успокоилась и стала внимательно осматривать все вокруг. Она увидела всевозможные замысловатые инструменты и множество трав, которые сушились в пучках на стенах – как незнакомые ей, так и известные, лекарственные. Старик молча наблюдал за девушкой, пока не улетучился ее страх, а потом сказал:

– Дитя мое, ты видела черты лица великана, когда он проходил мимо?

– Да, – ответила Зайа.

– Можешь ли ты описать его лицо и фигуру? – задал новый вопрос Ноул.

И тут Зайа начала рассказывать ему об увиденном. Что великан такой огромный, что заполнил собой все небо. Что его громадные руки были вытянуты вперед, а пышные одежды окутывали тело, и их шлейф сливался с воздухом вдали. Что у него лицо сильного мужчины, безжалостное, но не злое; и что у него слепые глаза.

Услышав это, Ноул содрогнулся, так как понял, что это очень страшный великан; и сердце его облилось кровью от жалости к обреченному городу, так много людей в котором должно умереть во грехе.

И тогда Ноул и Зайа решили попытаться предупредить обреченных людей еще раз и, не откладывая, поспешили к городу.

Когда они вышли из маленького домика, Зайа увидела впереди великана – он двигался к городу. Старик и маленькая девушка поспешили дальше, и, когда прошли сквозь холодный туман, Зайа, оглянувшись, увидела великана позади.

Вскоре они пришли в город.

Странно было видеть этих двоих, что так спешили рассказать людям об ужасном бедствии, которое на них надвигается. Длинная белая борода и волосы старика и золотые локоны девушки развевались у них за спиной на ветру – так быстро они шли. Лица обоих были бледными, как смерть. Позади них, видимый лишь глазами девушки с чистым сердцем, медленно и неотвратимо продвигался вперед призрачный великан, висящий в вечернем воздухе, как темная тень.

Увы – жители города не видели великана и лишь насмехались над предостережениями старика и девушки, с издевкой говоря:

– Что за чепуха! Великанов давно уже нет на свете!

И они шли дальше по своим делам, со смехом и шутками.

Тогда старик поднялся на нижнюю ступеньку возле большого фонтана, возвышаясь над толпой, а девушка встала рядом с ним, и сказал так:

– О, люди, живущие в Стране, я хочу предупредить вас, пока еще не поздно. Эта девочка с чистым сердцем, настолько невинная, что даже птички, которые боятся людей, окружают ее без страха, сегодня ночью видела в небе фигуру грозного великана, надвигающегося на наш город. Для меня, как и для вас, в небе нет ничего, и все-таки послушайте, что я скажу. Ничего не зная о том, что еще один великан вторгся на нашу землю, я сидел задумчиво в своем жилище,

и без всякой причины и основания мое сердце наполнилось внезапным страхом. Я встал и посмотрел на север и на юг, на восток и на запад, вверх и вниз, но не смог увидеть ничего опасного. И я сказал себе: «Мои глаза затуманили сто лет наблюдения и ожидания, и поэтому я ничего не вижу». И все же, о, люди, живущие в Стране, хотя столетний возраст лишил меня способности хорошо видеть то, что вокруг, он же сделал мой внутренний взор – взор моей души – более острым. Я снова вышел и увидел эту маленькую девушку, которая стояла на коленях и умоляла великана, невидимого для меня, пощадить город; но чудовище ее не слышало, а если и слышало, то не отвечало ей. Поэтому мы пришли, чтобы предостеречь вас. Девушка говорит, что великан подходит к городу, и потому я предостерегаю вас: прислушайтесь к ее словам, пока у нас еще есть время.

Но люди не слушали его; они опять насмехались, и издевались, и говорили:

– Смотрите, и эта девушка, и старик, – оба сумасшедшие.

С этими словами они разошлись по домам, и плясали, и пировали, как раньше. А потом появились негодные мальчишки, которые стали насмехаться над девушкой и стариком, говоря, что Зайа потеряла своих птиц и от того сошла с ума; и были новые издевательские песенки, исполненные с гримасами и ужимками.

Зайа была так опечалена судьбой бедных людей, что не обращала внимания на жестоких мальчишек. Видя, что она не смотрит на них, некоторые из сорванцов разозлились и, отойдя в сторонку, принялись швырять в старика и девушку всякую всячину, издеваясь пуще прежнего.

С печалью в сердце Ноул взял девушку за руку и увел ее из города в свой дом, построенный из больших камней. В ту ночь Зайа спала, окруженная ароматом сушеных трав, а старик держал ее за руку, чтобы ей не было страшно.

Утром Зайа проснулась рано и разбудила Ноула, уснувшего в своем кресле.

Подойдя к двери, девушка выглянула наружу, и сердце ее затрепетало от радости: там, словно поджидая свою любимицу, сидели ее птички, и их стало даже больше, чем прежде. Когда птицы увидели маленькую девушку, они громко, радостно запели и стали дурачиться и кружиться в воздухе, хлопая крылышками, и выглядели так забавно, что Зайа невольно рассмеелась.

Когда Ноул и Зайа съели свой скудный завтрак и покормили пернатых друзей, они с печалью в сердце отправились в город, чтобы еще раз попытаться образумить его жителей. Птицы летали вокруг них по дороге и, чтобы развеселить девушку и старика, пели так радостно, как только могли, хотя и у них и на сердце было тяжело.

Всю дорогу Ноул и Зайа видели перед собой огромного великана, похожего на тень, – он уже подошел к самой окраине города.

Как и в прошлый раз, вокруг девушки и старика собралась большая толпа горожан, но люди еще пуще смеялись над их предостережениями, а вредные мальчишки бросали камни и палки в птиц и даже убили некоторых из них. Бедная Зайа горько плакала, а на сердце у Ноула стало очень тяжело. Через некоторое время, когда они ушли от фонтана, Зайа посмотрела вверх и вздрогнула от радости и удивления, потому что огромного темного великана нигде не было видно. Она закричала от радости, а люди смеялись и говорили:

– Хитрая девчонка! Она видит, что мы ей не верим, и делает вид, будто великан ушел.

Кто-то сказал:

– Давайте бросим ее в фонтан. Это будет уроком для всех лжецов, которые хотят нас напугать.

С угрозами, горожане стали приближаться к Зайе. Бедная маленькая девушка прижалась к Ноулу. Старик очень помрачнел, когда она сказала, что больше не видит великана, и теперь замер, словно во сне, погрузившись в раздумья, но очнулся от прикосновения девушки и, сурово заговорив с людьми, велел им идти прочь. Тогда горожане напустились и на него, сказав: раз старик поддерживал ложь Зайи, его тоже следует окунуть в фонтан. Они окружили

обоих, собираясь их схватить, и тот, который был их жоаком, уже протянул руку, но вдруг с тихим вскриком прижал ее к боку, а когда остальные обернулись и удивленно посмотрели на него, ужасно закричал. Потом, на глазах у всех собравшихся, лицо этого человека почернело, он упал на землю, корчась от страшной боли, а потом умер.

Завопив от ужаса, люди бросились бежать.

– Великан! Великан! Он и правда среди нас! – кричали они, и страх их лишь усиливался от того, что они по-прежнему не видели опасности. Но не успели люди покинуть базарную площадь, в центре которой находился фонтан, как многие упали замертво.

В центре площади стояли на коленях старик и маленькая девушка и молились, а птицы сидели вокруг фонтана, молчаливые и неподвижные, и не было слышно ничего, кроме криков людей вдалеке. Их вопли звучали все громче и громче, так как Великан-Чума был уже среди них, и бежать было уже слишком поздно.

Увы! Страна-под-Закатом в тот день услышала множество стенаний. Наступила ночь, но никто не спал – иные от страха, а другие от душевной боли, и не было покоя никому, кроме мертвых. Они распростерлись повсюду – неподвижные, безжизненные, и даже холодный свет луны и тени от плывущих облаков, облизывавшие тела, не могли придать им видимость жизни. И еще в течение многих дней в Стране-под-Закатом царили боль, горе и смерть.

Ноул и Зайа делали все, что могли, чтобы помочь бедным людям, но что они могли, когда по Городу бродил невидимый великан, и никто не знал, к кому он прикоснется своей холодной как лед рукой. Кое-кто из жителей пытался найти спасение за городскими стенами, но как бы люди ни старались, как бы быстро ни бежали, они все равно оставались во власти невидимого великана. То и дело чудовище превращало теплые сердца в лед своим дыханием и прикосновением, и люди падали замертво. Впрочем, великан пощадил некоторых беглецов, но часть из них умерли от голода, а остальные в унынии вернулись в город, чтобы встретить свой конец среди друзей. И с ночи до утра не было окрест ничего, кроме горя и стенаний.

А что же Зайя? Ее маленькие друзья-птички не оставили свою любимицу в трудный час. По-видимому, они замечали приближение великана, когда никто, даже сама девушка, еще ничего не видел, и сообщали ей о приближении опасности, словно умели разговаривать.

Сначала Зайа и Ноул каждый вечер возвращались в дом из больших камней, а с наступлением утра снова шли в город, утешая бедных больных людей, принося им пищу и лекарства, которые изготавливал искусный мудрец-Ноул. Так они сохранили много драгоценных жизней; спасенные ими люди были очень благодарны и после этого жили более праведной и не такой эгоистичной жизнью. Через несколько дней, однако, Зайа и Ноул обнаружили, что бедные больные нуждаются в помощи ночью еще больше, чем днем, и поэтому стали проводить в городе все время.

В ранний час, на рассвете, Зайа выходила на улицу подышать утренним воздухом, и там ее ждали ее пернатые друзья, только что очнувшиеся ото сна. Они пели радостные песни, подлетали к девушке, садились к ней на плечи и на голову и целовали ее. Если же она направлялась к тому месту, к которому ночью прикоснулся своей смертоносной рукой Великан-Чума, птицы порхали впереди нее и пытались помешать ей, крича на своем языке: «Вернись! Вернись!» Они клевали ее хлеб и пили из ее чашки до того, как Зайа начинала есть и пить, и, когда чувствовали опасность – ибо холодная рука великана прикасалась ко всему, – кричали: «Нет, нет!»; тогда девушка не притрагивалась к еде сама и не позволяла другим. Часто случалось так, что бедная маленькая птичка падала, трепеща крылышками, пока клевала хлеб или пила из чашки, и умирала; но даже тогда она радостно щебетала, глядя на свою хозяйку, ради которой была счастлива погибнуть. Когда же птички обнаруживали, что хлеб и вода чисты и не опасны, они беззаботно хлопали крылышками, весело смотрели на Зайю и издавали радостные звуки, выглядя так задорно, что бедная грустная девушка невольно улыбалась.

Одна из птичек всегда пробовала хлеб несколько раз, пока не убеждалась, что он хороший, так что у нее получался довольно плотный завтрак. Иногда она продолжала клевать до тех пор, пока Зайа не грозила ей пальцем с ласковым укором, говоря: «Не жадничай!», и тогда птичка отскакивала в сторону, делая вид, что она тут ни при чем. Другая, малиновка с грудкой цвета алого заката, любила Зайю так, что и представить себе невозможно. Когда она пробовала еду и понимала, что та хороша, птичка брала в клюв маленький кусочек, взлетала и клала его девушке в рот. А еще все птички, которые пробовали воду из чашки Зайи и понимали, что питье хорошее, поднимали головки, вознося благодарственную молитву Богу; с тех самых пор все маленькие птички поступают так и никогда не забывают поблагодарить Всевышнего, в отличие от некоторых неблагодарных детей.

Так жили Ноул и Зайа, хотя многие вокруг них умирали, а великан все еще оставался в городе. Погибло так много людей, что можно лишь удивляться тому, что кто-то из них уцелел, ведь только когда город начинает пустеть, его жители начинают задумываться о том, как много их обитало в нем прежде.

Бедняжка Зайа стала такой бледной и худой, что походила на тень, а спина Ноула из-за страданий последних недель согнулась сильнее, чем за сто прежде прожитых лет. Но несмотря на то, что эти двое устали и измучались, а многие птички погибли, они продолжали трудиться, помогая больным.

Однажды утром старик настолько ослабел, что уже не мог держаться на ногах. Испугавшись, Зайа спросила его:

– Ты болен, отец? – теперь она всегда называла Ноула отцом.

И – увы! – слабый и тихий, но бесконечно нежный голос ответил ей:

– Да, дитя, боюсь, конец мой близок. Отведи меня домой, чтобы я мог умереть там.

Услышав эти слова, Зайа тихо вскрикнула. Она упала перед стариком на колени, крепко обняла его и горько заплакала. Впрочем, у нее было мало времени на рыдания, потому что Ноул с трудом поднялся на ноги; видя, что ему нужна помощь, девушка вытерла слезы и подставила Ноулу свое плечо.

Старик взял свой посох и, поддерживаемый Зайей, кое-как дошел до фонтана в центре рыночной площади. Там он присел на нижней ступеньке, словно у него внезапно кончились силы. Почувствовав, что Ноул становится холодным как лед, Зайа поняла, что великан прикоснулся к нему своей ледящей рукой.

Тогда, сама не зная, почему, девушка взглянула вверх – туда, где в последний раз видела великана, когда они с Ноулом стояли возле фонтана. И – о чудо! Пока она смотрела туда, держа Ноула за руку, она увидела, что ужасная темная фигура, которая так долго оставалась невидимой, все более ясно вырисовывается на фоне облаков. Лицо великана было суровым, как и всегда, а его глаза по-прежнему оставались слепыми.

И тогда, все еще крепко держа Ноула за руку, Зайа крикнула:

– Не его, не его! О, могучий великан! Не его! Только не его!

Склонив голову, бедная маленькая девушка заплакала, и сердце ее наполнилось таким страданием, что на слепые глаза темного великана тоже навернулись слезы, которые упали, подобно росе, на лоб старика.

– Не горюй, дитя мое, – прошептал Ноул. – Я рад, что ты снова видишь великана, ибо у меня есть надежда, что теперь он покинет наш город и избавит его от страданий. Я – последняя жертва, и потому умру с радостью.

Тогда Зайа встала перед великаном на колени и сказала:

– О, пощади его! Сжался! Возьми меня, если хочешь, но пощади его!

Лежащий старик приподнялся на локте и сказал ей:

– Не горюй и не ропщи на судьбу, моя малышка. Я искренне верю, что ты бы с радостью отдала свою жизнь вместо моей. Но мы должны отдавать ради блага других людей то, что для

нас всего дороже. Благослови тебя Господь, моя малышка, и всего тебе хорошего. Прощай! Прощай!

И, как только последнее слово сорвалось с его губ, Ноул стал холодным как смерть, и душа его отлетела, а Зайа опустилась на колени и стала молиться. Когда же она вновь посмотрела вверх, то увидела, что темный великан уходит прочь.

На ходу он обернулся, и девушка почувствовала, что его слепые глаза смотрят в ее сторону, будто великан старается разглядеть ее. Потом он поднял огромную призрачную руку, все еще окутанную туманным саваном, словно благословляя Зайю, и ей показалось, что ветер донес до нее то ли стон, то ли эхо слов:

– Невинность и преданность спасут землю.

Прошло немного времени, и она разглядела вдали, как мрачный Великан-Чума приблизился к границам Страны, прошел сквозь Портал, охраняемый Ангелами, и скрылся в лежащей за ним пустыне – навсегда.

Строитель Теней

Одинокий Строитель Теней вечно смотрит из своей одинокой обители. Стены там из облаков, а вокруг и сквозь них, постоянно меняясь на ходу, проходят неясные тени всего того, что было прежде.

Этот мрачный, медленно вращающийся, движущийся круг называется Процессией Мертвого Прошлого. В нем все точно такое же, каким было в большом мире. Ни в чем нет перемен, потому что каждый момент, который проходит, посылает свою тень в эту неясную Процессию. Здесь есть движущиеся люди и события – заботы – мысли – прихоти – преступления – радости – печали – места – сцены – надежды и страхи, и все то, что составляет в сумме жизнь с ее светом и тенью. Каждая картина природы, где обитает тень – а она обитает всюду, – имеет здесь свой туманный фантом. Здесь есть все картины, самые прекрасные и самые печальные: тьма, набегающая на залитую солнцем ниву, когда спелые колосья колышутся на ветру, наклоняясь и распрямляясь; рябь на гладкой, как стекло, поверхности летнего моря; темное пространство, лежащее за пределами широкой лунной дорожки на воде; кружево, сплетенное из сияния и мрака, искрящееся на дороге, по которой осенью идет путник, когда лунный свет падает сквозь голые ветви нависших над ней деревьев; прохладная, освежающая тень под густыми деревьями летом, когда солнце печет спины работающих косарей; темные тучи, наплывающие на луну и скрывающие ее свет, который снова прорывается сквозь них, холодный и пустой; фиолетово-черный сумрак, встающий над горизонтом, когда в летнее время надвигается дождь; темные ущелья и мрачные провалы, в которые с шумом низвергается водопад, чтобы потом влиться в лежащие внизу озера, – все эти теневые картины и тысячи других, появляющихся днем и ночью, кружатся в Процессии среди того, что было прежде.

А еще здесь есть каждый поступок, когда-либо совершенный человеческим существом, каждая мысль, хорошая и плохая, каждое желание, каждая надежда, – все тайное отображено и стало навечно записью, которую невозможно стереть. В любой момент Строитель Теней может вызвать одним взмахом руки любого, спящего или бодрствующего, чтобы увидеть то, что изображено в Мертвом Прошлом, этой смутной, таинственной дали, которая окружает его одинокое жилище.

В движущейся вечно процессии Мертвого Прошлого есть лишь одно место, где нет кружащихся призраков и где исчезают облачные стены. Там лишь великая чернота, плотная и глубокая, полная мрака, а за ней лежит огромный реальный внешний мир.

Эта чернота называется Врата Ужаса.

Процессия берет свое начало далеко от этих Врат, а когда проходит свой путь по кругу, то снова поворачивает в темноту, и теневые призраки растворяются в таинственном мраке.

Иногда Строитель Теней проходит сквозь состоящие из пара стены своего жилища и смешивается с рядами Процессии, а иногда, вызванная взмахом его призрачной руки, из тумана бесшумными шагами выходит фигура и останавливается рядом с ним. Иногда из толпы спящих Строитель Теней вызывает душу, которой снится сон; тогда живой и мертвый ненадолго застывают лицом к лицу, и люди называют это сновидением о Прошлом. Когда такое случается, друг встречается с другом, а враг – с врагом, и в душу спящего приходят давно забытое счастливое воспоминание или страдание и раскаяние. Но ни один призрак не проходит сквозь туманную стену, кроме Строителя Теней, и ни одно человеческое существо – даже во сне – не может войти в тот полумрак, где движется Процессия.

Так живет одинокий Строитель Теней в своем сумраке, и его обиталище посещают лишь призраки прошлого. Его народ – только в прошлом, ибо, хотя Строитель создает тени, они не живут с ним. Его дети сразу же уходят к себе домой, в большой мир, и он больше никогда

их не видит, до тех пор, пока в положенное время они не вливаются в Процессию Мертвого Прошлого и, в свою очередь, не доходят до туманных стен его дома.

Для Строителя Теней не существует ни ночи, ни дня, ни времен года; лишь вечно молчаливая Процессия Мертвого Прошлого ходит вокруг его обители.

Иногда он сидит и размышляет, неподвижно уставившись в одну точку и ничего не замечая, и тогда в море царит безоблачный покой или черный ночной мрак. Долгие месяцы он почти никогда не смотрит в направлении далекого севера или юга, и там царит лишь безмолвие арктической ночи. Когда же сонный взгляд снова становится осмысленным, тяжелое молчание смягчают звуки жизни и свет.

Иногда, с застывшим, хмурым лицом и тяжелым взглядом, в котором сверкают темные молнии, Строитель Теней решительно принимается за дело, и во всем мире собираются в отряды плотные, быстрые тени. Над морем проносится черная буря, тусклые огни мерцают в лачугах далеко на тоскливых болотах, и даже в королевских дворцах мелькают, пролетают и ложатся на всё вокруг – да, и на сердца самих королей тоже – темные тени, ведь на Строителя Теней в такие минуты страшно взглянуть.

Время от времени, закончив работу, Строитель Теней медлит, глядя на нее словно бы с любовью. Его душа стремится к детям, порожденным его волей, и мастер охотно сохранил бы рядом с собой хоть одну тень, чтобы развеять свое одиночество. Но в такие моменты у него в ушах всегда звенит голос Великого Настоящего, призывая поспешить. Гулкий голос гремит: «Вперед, вперед!», и при его звуках завершенная тень ускользает из рук Строителя Теней и, пройдя невидимой через Врата Ужаса, тает в огромном мире за ними, где она должна сыграть свою роль. Когда, после завершения своего срока жизни, эта тень приходит и занимает место в рядах Процессии Мертвого Прошлого, Строитель Теней узнает ее – ведь он помнит всё, – но в его мертвом сердце не вспыхивает искра любящего воспоминания, ибо он способен любить лишь настоящее, которое вечно ускользает из его рук.

О, до чего же одинокую жизнь ведет Строитель Теней; и в странном, печальном, торжественном, таинственном, молчаливом мраке, который окружает его, он вечно трудится над своей одинокой задачей.

Но иногда и у Строителя Теней бывают свои радости. Возникают тени-младенцы, и солнечные картинки, озаренные нежностью и любовью, рождаются от его прикосновения и ускользают прочь.

Когда Строитель Теней занят своим делом, перед ним лежит пространство, в котором нет ни света, ни тьмы, ни радости, ни горя. То, что прикасается к нему, исчезает, как тают кучки песка в волнах прилива или слова, написанные на воде. В нем все прекращает существовать и становится частью великого Небытия; эта ужасная граница таинственного называется Пределом. Все, что попадает туда, исчезает, а то, что появляется из него, получает завершение и переходит в большой мир, чтобы идти своим путем. Перед Пределом и сам Строитель Теней – ничто; даже он не может ни поколебать всепоглощающее могущество Предела, ни управлять им. Занимаясь своей работой, Строитель лишь посылает призыв, и тогда из неосязаемого небытия Предела является объект его воли. Иногда тень возникает сразу в полном объеме и внезапно исчезает во мраке Врат Ужаса, а иногда растет постепенно и незаметно, становясь все более четкой, а потом растворяется во тьме.

Одиноким Строитель Теней работает в своем одиноком жилище; вокруг него, за стенами из пара, вечно движется по кругу Процессия Мертвого Прошлого. Он уже вызывал из Предела бурю и затишье, и они уже миновали; теперь, в этот спокойный момент задумчивости, Строитель Теней снова и снова загадывает желание до тех пор, пока небытие Предела не посылает ответ его тоскливому одиночеству.

Из Предела вырастает тень ножки младенца, нетвердой походкой идущего в мир; потом возникает маленькое округлое тельце и большая голова, и вот уже тень младенца идет вперед

неуверенными шагами, пошатываясь. Позади него быстро появляются руки матери, с любовью тянущиеся к нему на помощь, оберегая от падения. Один шаг, второй – младенец теряет равновесие и падает, но материнские руки быстро подхватывают его и нежно поднимают. Дитя поворачивается и снова ковыляет прямо в объятия матери.

Он пробует пойти снова, так что внимательные материнские руки наготове. На этот раз младенцу не нужна помощь, но, когда бег закончен, дитя из тени снова с любовью прижимается к материнской груди. А потом снова делает усилие, и шагает смело и твердо, но руки матери дрожат, опущенные вдоль туловища, а по щеке ее, пусть и озаренной радостной улыбкой, катится слеза.

Тень младенца поворачивается, отходит прочь, в сторону. Затем по туманному Небытию, на которое ложатся тени, пробегает мерцающая тень крохотной машущей ручки, и тень маленьких ножек твердой походкой уходит дальше, в туманный сумрак Врат Ужаса, пока не исчезает в нем. А вот тень матери не двигается; ее руки прижаты к сердцу, любящее лицо молитвенно обращено вверх, и по щекам катятся крупные слезы. Потом ее голова склоняется все ниже, когда маленькие ножки пропадают из поля ее зрения; все ниже склоняется рыдающая мать и в конце концов ложится на землю. Прямо на глазах у Строителя Теней эти тени исчезают, и остается лишь ужасное небытие Предела. А вскоре в Процессии Мертвого Прошлого, которая движется вокруг призрачных стен, появляются тени, прежде бывшие матерью и ее младенцем.

Потом из Предела выступает мальчик, шагая пружинистой энергичной походкой; его тень падает на вуаль из тумана, а одежда и осанка выдают в нем моряка. Рядом с его тенью идет другая – тень матери. Она постарела и похудела, словно от того, что все время наблюдала за сыном, но все равно осталась прежней. Старые, любящие руки аккуратно расправляют смявшийся платок, свободно обрамляющий открытое горло; руки мальчика тянутся к матери и обхватывают ее лицо, приближая к себе, чтобы поцеловать. Руки матери взлетают и обнимают сына, и они прижимаются друг к другу, сливаясь в тесном объятии.

Мать целует своего сына еще и еще; они стоят, будто никак не могут расстаться.

Внезапно мальчик оборачивается, будто слышит чей-то зов. Мать теснее прижимается к нему, стараясь удержать, он нежно сопротивляется и в конце концов высвобождается из объятий. Мать делает шаг вперед, протягивает к нему худые руки, дрожащие от горя. Мальчик останавливается и преклоняет колено; затем, встав, машет шапкой, смахивает с глаз слезы и спешит дальше, а мать снова опускается на колени и рыдает. А потом тени матери и ее ребенка, выросшие с течением времени, еще раз медленно уходят через Врата Ужаса и кружатся среди призраков Процессии Мертвого Прошлого, причем мать упорно следует за быстрыми шагами сына.

Во время наступившей за этим долгой паузы все меняется прямо на глазах у Строителя Теней. От Предела поднимается туман, похожий на тот, что иногда висит над поверхностью тропического моря, но мало-помалу он рассеивается, и вперед выдвигается большой черный нос могучего корабля. Тени огромных парусов смутно отражаются в холодных морских глубинах, а сами паруса бессильно обвисли в мертвом штиле. На фальшборт облокотились неподвижные фигуры людей, ожидающих ветра, и по темным теням моряков, прячущихся от солнца и обмахивающихся широкополыми шляпами, становится понятно, что жара стоит ужасная.

Потом вдали за кораблем, над горизонтом, появляется черная туча. Пока что она не больше человеческой ладони, но стремительно приближается. И еще вдалеке, прямо по курсу корабля, поднимается, едва различимый над гладкой поверхностью воды, край вырастающего из темной глубины кораллового рифа.

Люди на борту судна не видят ни тучи, ни рифа – укрывшись под навесами, они вздыхают, ожидая прохладного бриза.

Все быстрее набегают темная туча, все стремительней несется вперед, по мере приближения становясь все более черной и огромной.

Лишь тогда на корабле замечают опасность. Тени людей начинают быстро носиться по палубе и торопливо подниматься по теням снастей. Огромные паруса опадают и прекращают хлопать на ветру, когда сильные руки сворачивают их один за другим.

Но, как бы споро ни работали руки людей, буря налетает быстрее.

Она летит вперед, а за ней по пятам спешит ужас: черная тьма, и огромные волны в клочьях пены, яростно разбивающиеся и летящие над водой под самое небо, где кипят и кружатся громадные тучи; а в центре этих летящих, мелькающих, сводящих с ума теней качается тень корабля.

Когда черная тьма неба окутывает мир, порыв теневого шторма влетает во Врата Ужаса.

Строитель Теней смотрит и ждет. Он видит циклон, бушующий среди теней Процессии Мертвого Прошлого, и даже его мертвое сердце чувствует тяжесть и горюет о храбром мальчике-моряке, заброшенном в морские просторы, и о его матери, в тревожном одиночестве ждущей его на берегу.

Из Предела снова выходит тень. Вначале очень, очень слабо видимая – здесь, на одинокой голой скале, которая вырастает из сверкания и блеска окружающих ее морских глубин, солнце светит ярко, и очень мало места для теней, – по мере приближения она вырастает, и Строитель Теней видит мальчика-моряка. Он истощен и худ, а его одежда превратилась в тряпье. Заслонив глаза ладонью, он смотрит вдаль – туда, где безоблачное небо опускается навстречу бурлящему морю. Но над горизонтом не видно ни одной точки, и не блеснет вдалеке, точно лучик надежды, белый парус.

Долго, очень долго смотрит мальчик вдаль, пока, измученный, не садится на камень, склонив голову в приступе отчаяния. Когда уровень моря понижается, он встает и собирает с камней моллюсков, облепивших их во время прилива.

Так проходит день, и наступает ночь; в тропическом небе повисают звезды, похожие на яркие светильники. В прохладной тишине ночи покинутый мальчик-моряк спит и видит сны. Ему снится дом: любящие руки, протянутые ему навстречу, накрытые для пиршества столы, зеленые поля, и качающиеся ветки, и счастье жизни под защитой материнской любви. Потому что во сне Строитель Теней вызывает его спящую душу и показывает ему все эти счастливые картины, неустанно проходящие в Процессии Мертвого Прошлого, и этим утешает мальчика, не давая ему отчаяться и умереть.

Так проходит много томительных дней; мальчик-моряк все живет на одинокой скале.

Вдалеке он видит гору, которая поднимается над водой. Однажды утром, когда чернеющее небо и насыщенный солью воздух обещают шторм, эта гора кажется ему ближе, чем прежде, и он решает рискнуть добраться до нее вплавь.

Пока он собирается с духом, разражается шторм и сметает мальчика с одинокой скалы. Он плывет, отважно сражаясь с волнами, и как раз в тот момент, когда силы его на исходе, ярость стихии выбрасывает страдальца на мягкий песок пляжа. Шторм уносится прочь, а мальчик-моряк идет вглубь суши, где находит укрытие в пещере среди скал и проваливается в сон.

Строитель Теней, который видит все происходящее в виде теней на облаках, на земле и в море, радуется в своем мертвом сердце тому, что, возможно, одинокая мать будет ждать не напрасно.

Так проходит еще много изнурительных дней. Мальчик, превратившийся в молодого мужчину, живет на одиноком острове; у него отросла борода, он одет в платье из листьев. Дни напролет он трудится, добывая себе пропитание, а все остальное время наблюдает с вершины горы, не приближается ли корабль. Когда одинокий моряк стоит над морем, солнце создает его тень на склоне горы; по мере того как оно опускается все ниже над водой, тень эта становится

все длиннее, пока наконец не превращается в темный потек, тянущийся вниз по склону, до самого прибоя.

С каждым днем на сердце у одинокого моряка становится все тяжелее, а время течет, и бесчисленные изнурительные дни сменяют тягостные ночи. И вот наступает момент, когда он начинает слабеть. В конце концов смертельная болезнь побеждает, и моряк долго, мучительно умирает.

Затем эти тени уходят, и из Предела вырастает тень старой женщины, худой и измученной, одиноко сидящей в домике на крутой скале. По ночам в окне домика горит лампа, чтобы потерявшийся сын знал, что его ждут, и сумел найти дорогу к материнскому дому, а мать сидит у лампы и ждет, пока, обессиленная, не засыпает.

И тогда Строитель Теней призывает ее спящую душу взмахом своей призрачной руки.

Она стоит рядом с ним в одиноком жилище, а вокруг них, сквозь туманные стены, движется вперед Процессия Мертвого Прошлого. Строитель Теней поднимает прозрачную руку и указывает матери на призрак ее сына. Но глаза матери опережают даже эту призрачную руку, которая вызывает все тени бушующего шторма; не успевает она подняться, как мать видит своего сына среди Теней Прошлого. Материнское сердце наполняет несказанная радость, ведь ее мальчик жив и здоров, хоть и стал пленником тропических морей. Увы, она не знает, что в туманной Процессии участвуют только те, кого уже нет, и что хотя в прошлом одинокий моряк жил, в настоящем – в этот самый момент – он, возможно, умирает или уже мертв.

Мать тянет руки к своему сыну, но в тот самый момент ее спящая душа перестает видеть призрачную Процессию и исчезает из одинокого жилища Строителя Теней. Причиной всему – боль, которую испытывает мать, узнав, что ее мальчик жив, но так одинок и так отчаянно нуждается в помощи. Сердце матери переполняет страдание, и она просыпается с горестным криком. Потом встает и смотрит в рассветный сумрак за догорающей лампой. Она знает, что во сне видела сына, что он жив и ждет помощи, и в ее сердце разгорается великая решимость.

Тогда из Предела быстро выплывает много теней.

Одинокая мать спешит к далекому городу.

Мрачные люди отказывают коленопреклоненной женщине, умоляющей их, воздев руки к небу, но они ей сочувствуют.

Жестокие люди гонят просящую мать от своих дверей.

Буйные шайки злых, жестоких детей преследуют спешащую женщину на улицах.

Тень страдания ложится на материнское сердце.

Приближается темное облако отчаяния, но оно очень далеко, так как не может подлететь к яркому солнечному свету материнской решимости.

Тоскливые дни, полные миллионов их собственных теней.

Одинокие ночи, черная нужда, холод, голод и страдание.

И сквозь все эти сгущающиеся тени – быстрая тень летящих материнских ног.

Очень длинная вереница таких картин вплетается в Процессию, пока мертвое сердце Строителя Теней не превращается в лед, а его горящие глаза не начинают с яростью взирать на тех, кто причиняет страдание матери и подвергает испытаниям ее преданное сердце.

Все эти тени уплывают в черный туман и исчезают во мраке Врат Ужаса.

А потом из тумана вырастает еще одна тень.

В кресле сидит человек. Мерцающий огонь искрами пронизывает его изображение, заставляя тень на стене комнаты изгибаться в причудливом танце. Человек стар – его широкие плечи сгорблены, а широкое сильное лицо избородили морщины прожитых лет. В комнате находится еще одна тень, тень матери, – она стоит у стола и рассказывает свою историю; ее худые руки указывают вдаль, туда, где, как она знает, в плену у южных морей томится ее сын.

Старик встает; энтузиазм материнского сердца растрогал его, и в памяти всплыла старая любовь, и энергия, и отвага юности. Его большая рука поднимается, сжимается в кулак и

сильно бьет по столу, будто дает обещание. Мать опускается на колени и целует эту большую руку, а потом выпрямляется.

Входят другие люди и поспешно удаляются, получив инструкции. А затем появляется много других теней; их движения, быстрота и целеустремленность обещают жизнь и дарят надежду.

На закате, когда на воду гавани ложатся длинные тени от мачт, большой корабль отправляется в плавание по тропическим морям. Тени людей быстро снуют вверх и вниз по снастям и палубе, крутят кабестан, поднимая якорь, и большой корабль уходит к закату.

На его носу, подобно статуе Надежды, стоит мать, нетерпеливо глядя на далекий горизонт.

Затем эта тень исчезает.

Большой корабль несется вперед, белые паруса раздувает ветер; на носу стоит мать и все время смотрит вдаль.

Налетает шторм, корабль мчится, опережая порывы ветра, но мать не уходит. Она стоит с вытянутой рукой, указывая путь, и рулевой, держась за качающийся штурвал, повинуется этой руке.

И эта тень тоже исчезает.

Быстрой чередой проходят тени дней и ночей, а мать все ищет своего сына, и картины успешного путешествия растворяются в смутной, туманной тени, сквозь которую ясно видна только одна фигура на носу корабля – смотрящая вперед мать.

Потом из Предела вырастают тени горного острова и приближающегося к нему корабля. На носу стоит на коленях мать, она смотрит вдаль и указывает куда-то рукой. На воду спускают лодку, и люди нетерпеливо прыгают в нее, но мать опережает их всех. Лодка подходит к острову, выплывает на мелководье, и люди высаживаются на горячий белый песок.

А что же мать? Она сидит на носу лодки. Во время долгих, мучительных часов ожидания она видела во сне, как ее сын стоит вдалеке и смотрит в море; видела, как он радостно машет руками, когда корабль появляется на горизонте; как он стоит на пляже и ждет; как он бросается в полосу прибоя, и первое, чего должен коснуться одинокий моряк, – это любящие руки матери. Но – увы! – все это было лишь в ее снах. На вершине горы нет никого, кто бы радостно махал руками; никто не стоит у края воды и не бросается встречать ее через полосу прибоя. Сердце матери леденеет от страха.

Неужели она опоздала?

Моряки выходят из лодки; они утешают мать, пожимая ей руки и прикасаясь к ее плечам. Она же просит их поторопиться и остается стоять на коленях в лодке.

Проходит время. Моряки поднимаются на гору, ищут, но не находят пропавшего мальчика-матроса. Медленно, еле волоча ноги, они возвращаются к лодке.

Мать издали слышит их шаги и поднимается навстречу. Они идут, повесив головы. Мать в отчаянии воздевает руки и, почти теряя сознание, опускается в лодку. В то же мгновение Строитель Теней призывает к себе ее дух из бесчувственной оболочки и показывает ей на неподвижную фигуру, которая проносится мимо в Процессии Мертвого Прошлого. А затем душа матери летит назад быстрее света, заново наполненная радостью.

Мать поднимается в лодке, а потом выпрыгивает на сушу, и мужчины в изумлении следуют за ней, когда она бежит вдоль берега.

Мать останавливается напротив входа в пещеру, незаметного из-за плетей колючего кустарника. Здесь, не оборачиваясь, она знаком приказывает морякам ждать. Мужчины подчиняются, а мать входит в пещеру.

Несколько мгновений из Предела вытекает мрачная тьма, а затем возникает и уходит одна очень печальная картина...

Тусклая, темная пещера. Измученный человек лежит на спине, а объятая горем мать склонилась над его холодным телом. Она кладет руку на ледяную грудь, но – увы! – не ощущает биения сердца любимого сына. Сердце матери разбито, и в отчаянном порыве она падает на тело сына, крепко прижимая его к себе.

Мертвое сердце Строителя Теней чувствует боль; отвернувшись от грустной картины, он с тревогой смотрит туда, где из Врат Ужаса должны выйти мать и дитя, чтобы присоединиться к постоянно растущим рядам Процессии Мертвого Прошлого.

Медленно, очень медленно приближается тень остывшего тела моряка, но легкие ноги матери бегут быстрее света. Она протягивает руки, силу которым дает любовь, и эти тонкие руки хватают проходящую мимо тень сына и выдергивают ее обратно, за Врата Ужаса, возвращая в жизнь – к свободе и любви.

И теперь одинокий Строитель Теней знает, что руки матери сильнее хватки Смерти.

Как Семерка сошла с ума

На берегу реки, текущей через Страну-под-Закатом, стоит прекрасный дворец, в котором живет один из великих людей.

Берег круто вырастает из стремительно текущей воды, а огромные деревья на склоне такие высокие, что их ветви качаются на одном уровне с башнями дворца. Это очень красивое место, где трава упругая, короткая, густая, как бархат, и зеленая, как изумруд. Маргаритки в ней сияют, как упавшие звезды, рассыпанные по газону.

Много детей жило, взрослоло и становилось мужчинами и женщинами в старом дворце, и у них было много домашних любимцев. Среди их питомцев было много птиц, потому что птицы разных видов любили это место. В одном из углов парка находился участок, который называли Кладбищем Птиц. Трава там выростала особенно зеленой, а среди памятников пестрело множество цветов. Здесь хоронили всех домашних любимцев, когда они умирали.

У одного из мальчиков, когда-то живших здесь, был любимый ворон. Мальчик нашел его с поврежденной лапкой, принес домой и ухаживал за ним, пока ворон не выздоровел, хотя бедняга на всю жизнь остался хромым.

Этого мальчика звали Острик, а птицу называли Мистер Галка. Как вы можете себе представить, ворон любил мальчика и никогда не покидал его. В спальне Острика для него поставили клетку, и каждый вечер после захода солнца ворон удалялся туда и устраивался на ночлег. Надо вам сказать что птицы добровольно ложатся спать в одно и то же время и в этом не похожи на детей. Если вы хотите наказать птицу, вам достаточно просто разбудить ее в неурочный час. А представьте себе, что вы хотите наказать мальчика или девочку тем, что не позволите им лечь спать на закате или не дадите встать ранним утром? Ну, то-то же.

Итак, когда наступало утро, ворон просыпался, потягивался, моргал, хорошенько встряхивался всем телом и после этого чувствовал себя бодрым и готовым начать день. Птице гораздо легче встать утром, чем мальчику или девочке. Мыло не может попасть ей в глаз, гребень не запутается в волосах, а шнурки на ботинках никогда не затягиваются в узлы. Возможно, все это просто потому, что она не пользуется мылом, гребнем и шнурками; а если бы пользовалась, то, возможно, также не избежала бы мучений.

Когда Мистер Галка заканчивал приводить себя в порядок, он взлетал на кровать, чтобы разбудить своего хозяина и заставить его встать; признаюсь вам, что первая из этих двух задач была более легкой. Когда мальчик шел в школу, птица летела рядом с ним всю дорогу, сидела на дереве поодаль, пока не заканчивались уроки, а потом точно так же следовала за ним домой.

Острик очень любил Мистера Галку и иногда пытался заставить его залететь в классную комнату во время урока, но ворон был очень мудрый и не соглашался.

Однажды во время урока, вместо того чтобы решать примеры, – на этот раз ему было необходимо умножить число 117 649 на 7, – Острик вновь пытался заставить Мистера Галку влететь в класс. Мальчик и ворон смотрели друг на друга, и Острик жестами звал птицу к себе, однако Мистер Галка не шевелился; он сидел снаружи, в тенечке, так как день был очень жаркий, склонив голову набок и с пониманием глядя на хозяина.

– Лети сюда, Мистер Галка, – сказал Острик, – и помоги мне решить этот пример.

Мистер Галка в ответ только каркнул.

– Семью девять – семьдесят семь... или семьдесят девять... нет, девяносто семь... Ох, я не знаю! Как бы я хотел, чтобы цифра семь никогда не была изобретена! – пробормотал Острик.

– Кар! – произнес Мистер Галка.

День, как я уже сказал, был очень жарким, и Острику страх как хотелось спать. Он подумал, что, возможно, смог бы справиться с примером, если бы сперва немножко отдохнул – просто для того, чтобы подумать. Рассудив так, мальчик опустил голову на стол, что было не

слишком удобно, так как его лоб лежал аккуратно на цифре семь, написанной в тетради. По крайней мере, сам Острик думал именно так. Вот почему он отодвигался в сторону до тех пор, пока его голова не свесилась с края парты. А потом начало происходить нечто странное.

Надо вам сказать, что как раз в тот момент учитель собирался рассказать детям одну историю, и все они устроились поудобнее, чтобы слушать. Ворон же сидел на подоконнике открытого окна, склонив голову набок и закрыв один глаз – тот, что был ближе к классной комнате, – поэтому можно было подумать, будто он спит, но на самом деле Мистер Галка слушал внимательнее, чем любой из школьников.

Впрочем, все ученики были рады послушать историю – все, кроме троих: двух мальчиков и девочки. У одного из мальчиков затекла нога, а у девочки был полный карман лимонных тянучек, и ей хотелось их поскорее съесть, но она боялась, что ее заметят, а тянучки таяли. Что же до третьего мальчика, то он разрывался между желанием поспать и послушать историю Учителя, и поэтому он не мог сделать ни того, ни другого.

Меж тем учитель начал свой рассказ:

– Как-то раз алфавитный доктор...

– А кто такой «алфавитный доктор»? – тут же перебил его Острик.

– Алфавитным, – ответил тот, – называют доктора, который лечит больные буквы.

– А разве буквы болеют? – удивился Острик. – И чем же?

– О, у них много заболеваний. Разве ты никогда не пишешь кривое «о», или заглавную «А» с хромой ножкой, или «т», у которой кривая спина?

Весь класс хором отозвался:

– Он пишет такие буквы! Часто пишет!

А самый крупный и вредный мальчик в классе по имени Ёршик даже добавил:

– Очень часто. Собственно говоря, всегда.

– Ну вот, – улыбнулся учитель. – Должен же кто-то выправлять все эти буквы, верно?..

Итак, как-то раз алфавитный доктор сел пить чай. Он очень устал, потому что весь день был занят со своими пациентами.

– И что же он делал? – снова перебил его Острик.

– Я могу тебе сказать. Ему пришлось вставить пропущенную букву «и» и поправить сломанную руку буквы «Б», из-за чего она выглядела как «В».

Так вот, только он принялся за чай, как кто-то забарабанил в дверь, и в комнату влетел конюх. Задышавшись от бега, он выпалил: «Ох, доктор, идемте скорее! У нас произошло нечто ужасное!»

«Где это – у нас?» – спросил доктор.

«О, ну вы знаете, в конюшне для чисел».

И опять Острик не смог удержаться от вопроса:

– Что такое «конюшня для чисел»?

– Как следует из самого ее названия, – объяснил учитель, – это такая конюшня, где живут разные числа.

– А почему они живут в конюшнях? – удивился Острик.

– Потому что они быстро бегают.

– И насколько быстро?

– Возьми заданный тебе пример, реши его – и сразу увидишь. Или хотя бы посмотри на свою таблицу умножения: она начинается с «дважды два», но не успеешь ты добраться до конца страницы, как, гляди-ка, уже «двенадцатью двенадцать»³. Разве это не быстрый бег? Поэтому-то числа и приходится держать в конюшне, иначе они разбегутся, и их больше никто не увидит.

³ В отличие от принятой в России, английская таблица умножения имеет разрядность 12 на 12.

В конце дня они все возвращаются домой и переобуваются, а потом их привязывают, и они ужинают.

Так вот, конюх из конюшни для чисел был очень нетерпелив.

«Что же случилось?» – спросил его доктор.

«О, сэр, это все бедная Семерка».

«Что с ней?»

«Она смертельно больна. Мы уж и не надеемся, что она оправится от болезни».

«Какой болезни?» – спросил доктор.

«Идите и увидите сами», – ответил конюх, и доктор поспешил на конюшню, захватив с собой фонарь, так как ночь была темная.

Когда он подошел ближе, то услышал очень странный звук – будто кто-то хрипит и задыхается, охает и кашляет, смеется и издает дикие потусторонние вопли – и все это одновременно.

«Ох, скорее же!» – торопил конюх.

Когда доктор вошел в конюшню, то увидел, что бедной Семерке явно очень плохо. Из рта ее текла пена, и вообще она явно была безумна. Медсестра из Грамматической деревни держала ее за руку, пыталась сделать кровопускание, пока подковщик, то есть человек, который прикрепляет ноги к буквам и цифрам, чтобы они могли стоять прямо и не уставать, – объяснил учитель, по выражению лица Острика понимая, что тот собирается задать очередной вопрос, – удерживал на полу обезумевшую страдальцу. Все прочие числа, бывшие в конюшне, заламывали руки, вытягивали шеи или помогали держать Семерку.

Стараясь ее утихомирить, медсестра произнесла:

«Тихо, тихо, дорогая, не надо так шуметь. Вот идет добрый алфавитный доктор, он вылечит твое безумие и сделает нормальной».

«А я не хочу делаться нормальной!» – громко возразила Семерка.

«Но, милостивая государыня, – сказал доктор, – так не может продолжаться. Ведь вы наверняка не настолько безумны, чтобы настаивать на том, чтобы остаться безумной?»

«Настолько!» – так же громко произнесла Семерка.

«Тогда, – заявил доктор добродушным тоном, – если вы настолько безумны, что настаиваете на этом, мы должны попытаться вылечить вас хотя бы наполовину. Тогда вы станете достаточно нормальной, чтобы хотеть стать нормальной, а уж дальше дело в шляпе».

– Что-то я уже ничего не понимаю, – заявил Острик.

– Тихо! – закричали остальные ученики, а учитель продолжал:

– Доктор вынул стетоскоп, телескоп, микроскоп и гороскоп и начал лечить при помощи всего этого бедную безумную Семерку.

Сначала он приложил стетоскоп к подошве ее ноги и начал говорить в него.

«Этот инструмент используют не так, – заметила медсестра. – Вам следует приложить его к грудной клетке и слушать».

«Вовсе нет, моя дорогая мадам, – мягко возразил доктор. – Так поступают с нормальными людьми, но когда больной безумен, то заболевание, конечно же, требует противоположного метода лечения».

Затем он взял телескоп и посмотрел в него, чтобы увидеть, как близко от него пациентка, потом с помощью микроскопа определил, насколько она мала; а после всего нарисовал ее гороскоп.

– Зачем он его нарисовал? – не утерпел Острик.

– Разве ты не понимаешь, мой дорогой мальчик? – ответил учитель. – Разумеется, обычно гороскоп составляют, но так как бедняжка была безумна, гороскоп надо было рисовать.

– А что такое гороскоп?

– Посмотри в словаре, – посоветовал учитель и продолжил рассказ: – После того, как доктор перепробовал все инструменты, он произнес:

«Я использовал их, чтобы определить серьезность этого заболевания. Сейчас же настала пора выяснить его причину. Первым делом расспросим пациентку. Дорогая мадам, почему вы настаиваете на своем безумии?»

«Потому что я так хочу», – ответила Семерка.

«О, дорогая мадам, это невежливый ответ. А почему вы так хотите?»

«Я не могу вам сказать почему, – отвечала Семерка, – пока не произнесу речь».

«Так произнесите ее».

«Нет, я не стану говорить до тех пор, пока меня не освободят. Как можно произносить речь, когда все эти люди держат меня?»

«Мы боимся вас отпустить, – сказала медсестра, – вы убежите».

«Не убегу».

«Вы это обещаете?» – спросил доктор.

«Обещаю».

«Отпустите ее, – приказал доктор, и после его слов под пациентку подложили кусок ковра, а подковщик сел ей на голову, как обычно делают, когда лошадь падает на улице. Затем все отошли в сторону, после чего подковщик тоже встал и присоединился к остальным. И вот, после долгих усилий, Семерка встала на ноги.

«Мы вас слушаем», – сказал доктор.

«Я не могу начать, – возразила Семерка, – пока на стол не поставят стакан воды. Вы когда-нибудь слышали, чтобы речь произносили без стакана воды?»

Требуемое принесли.

«Леди и джентльмены», – начала Семерка и замолчала.

«Чего вы ждете?» – спросил доктор.

«Аплодисментов, конечно, – ответила Семерка. – Вы когда-нибудь слышали о речи без аплодисментов?»

Все присутствующие зааплодировали.

«Я – сумасшедшая, – произнесла Семерка, – потому что предпочитаю быть сумасшедшей; и я никогда не смогу, не захочу, не решу, не стану и не буду никем, кроме сумасшедшей. В конце концов, того, как со мной обращаются, достаточно, чтобы сделать безумным кого угодно».

«Помилуйте! – воскликнул доктор. – Как же с вами обращаются?»

«Утром, в полдень и вечером со мной обращаются хуже, чем с рабом. Во всем курсе обучения нет никого, кому пришлось бы выносить столько же, сколько выношу я. Я все время работаю на износ и никогда не ворчу. Я часто бываю кратным, часто – множимым. Я готова терпеть свою роль в качестве результата, но не то, как со мной обращаются. Меня неверно складывают, неверно делят, неверно вычитают и неверно умножают. С другими числами не обращаются так, как со мной, и, кроме того, они не сироты, как я».

«Сироты? – переспросил доктор. – Что вы хотите этим сказать?»

«Я хочу сказать, что у других чисел много родственников, и лишь у меня нет никого, кроме старика Единицы, который, во-первых, не считается, а во-вторых, я всего лишь его пра-пра-пра-правнучка».

«Что вы имеете в виду?» – спросил доктор.

«О, этот старик все время тут. Вокруг него все его дети, а я – всего лишь шестое поколение».

«Гм!» – произнес доктор.

«Вот, скажем, число Два, – продолжала Семерка, – никогда не попадает в неприятные истории, а Четыре, Шесть и Восемь – его кузены. Число Четыре близко к Шести и Девяти.

Число Пять – наполовину десятичное, у него никогда не бывает неприятностей. А я? Я – несчастная, со мной плохо обращаются, и я так одинока!» Тут бедная Семерка низко склонила голову и залилась слезами.

Когда учитель добрался до этого места, его прервали, так как маленький Острик тоже заплакал.

– А ты-то чего реवेशь? – спросил его грубиян Ёршик.

– Я не реву, – возразил Острик и заплакал еще сильнее, а учитель продолжал свой рассказ:

– Алфавитный доктор попытался развеселить бедную Семерку.

«Послушайте, послушайте!» – сказал он.

Семерка перестала плакать и посмотрел на доктора.

«Нет, – произнесла она, – вы должны сказать “говорите, говорите”, а “послушайте, послушайте” – я».

«Несомненно, – ответил доктор, – вы бы так и сказали, если бы были в здравом уме; но вы, видите ли, не в здравом уме, а когда ты безумен, ты всегда говоришь не то, что должен».

«Это неверно», – возразила Семерка.

«Я понимаю, – сказал доктор, – но не спорьте. Если бы вы были в здравом уме, вы бы сказали “это верно”, но вы говорите “это неверно”, имея в виду, что вы со мной согласны».

Казалось, Семерка была довольна, что ее так поняли.

«Нет, – сказала она, – что значит да».

«Значит, – продолжал доктор, – если вы скажете “говорите, говорите”, когда здравомыслящий человек сказал бы “послушайте, послушайте”, то, конечно, я должен сказать “послушайте, послушайте”, если я хочу сказать “говорите, говорите”, потому что я разговариваю с безумной.

«Нет, нет», – ответила Семерка, что означало «да, да».

«Что ж, тогда продолжайте свою речь», – велел доктор.

Семерка достала носовой платок и заплакала.

«Леди и джентльмены, – продолжала она, – я снова должна защищать дело бедного числа, подвергающегося дурному обращению. Меня, безродной сироты...»

Тут Острик перебил учителя.

– Что значит «беспородной»?

– Не «беспородной», а «безродной», – ответил тот.

– А в чем разница?

– Послушай, мальчик, если ты и дальше будешь перебивать меня, то почувствуешь разницу между «спором» и «поркой»! – рассердился тот, и Острик умолк, а учитель снова заговорил:

– Итак, бедная Семерка продолжила свою речь:

«Я умоляю вас проявить жалость к несчастному числу. О, вы, мальчики и девочки, подумайте о бедном, покинутом числе, у которого нет ни дома, ни друзей, ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры, ни дяди, ни тети, ни племянника, ни племянницы, ни сына, ни дочери, разочарованном и одиноком».

Тут Острик издал ужасный вопль.

– Почему ты кричишь? – спросил учитель.

– Я так хочу, чтобы бедная Семерка стала счастливой. Я даже готов отдать ей часть своего обеда и уложить спать в свою кровать.

Учитель повернулся к старосте.

– Острик – добрый мальчик, – сказал он. – Зададим-ка ему на следующую неделю выучить умножение семи на ноль. Быть может, это его утешит.

Мистер Галка, сидящий на окне, подмигнул сам себе и запрыгал со сдержанным веселым карканьем, тряс крыльями; казалось, он обнимает сам себя и смеется. Потом ворон тихонько впорхнул в класс и спрятался на книжном шкафу, а учитель продолжал свой рассказ:

– Итак, через какое-то время Семерке стало лучше, и она пообещала, что избавится от безумия. До того как доктор ушел домой, каждый из Алфавита и Чисел подошел и пожал руку бедной Семерке, пообещав, что отныне будет добрее к ней.

Ну, дети, что вы думаете об этой истории?

Все ученики наперебой закричали, что это было прекрасно, история им понравилась и что они тоже постараются быть добрее к бедной Семерке в будущем. И только грубиян Ёршик заявил самым последним:

– Что-то я во все это не очень верю. А если это правда, тогда я бы хотел, чтобы Семерка умерла; нам всем было бы без нее лучше.

– Неужели? – спросил учитель. – Почему?

– Потому что она бы нас не беспокоила, – ответил Ёршик.

Когда он это произнес, ворон издал какой-то странный крик, но никто не обратил на него внимания, кроме Острика, который сказал:

– Мистер Галка, хоть мы с тобой любим бедную Семерку.

Ворон терпеть не мог Ёршика, потому что тот бросал в него камни и пытался выдергивать перья из хвоста, и, когда Ёршик говорил, казалось, карканье ворона означает: «Вот погоди!» Пока никто не смотрел на него, Мистер Галка украдкой взлетел и спрятался в стропилах крыши.

Вскоре уроки закончились, и Острик собрался идти домой, но он не смог найти Мистера Галку. Мальчик подумал, что ворон потерялся, и очень огорчился; тем вечером он отправился в постель со слезами на глазах.

А что же Мистер Галка? Когда школа опустела и ее заперли до утра, ворон тихонько спустился со стропил, подсказал к двери и прислушался, опустив голову. Потом взлетел, сел на ручку двери и посмотрел в замочную скважину, но снаружи было темно и тихо. Тогда Мистер Галка взлетел на письменный стол учителя, захлопал крыльями и закукарекал по-петушиному, только очень тихо, чтобы никто не услышал. После этого он облетел весь класс, ненадолго останавливаясь у больших таблиц умножения, переворачивая страницы книг когтями и что-то доставая из них своим острым клювом.

В это невозможно поверить, но ворон воровал все цифры «семь», находящиеся в классе; он даже убрал семерку с циферблата часов, стер ее с грифельных досок учеников и смахнул крыльями с классной доски.

Мистер Галка знал, что если убрать из классной комнаты все семерки, то больше никто не сможет использовать эту цифру без его разрешения. Надо сказать, ему не удалось уничтожить все семерки за один раз. Птица трудилась всю ночь до самого утра, и, когда работа наконец была закончена, до начала уроков осталось совсем немного времени. К тому же, уничтожая семерки, ворон все больше раздувался и в итоге увеличился по сравнению с естественным размером ровно в семь раз. С трудом втиснувшись в свой потайной уголок среди стропил, Мистер Галка принялся ждать.

Пришло время начинать занятия, но школа была по-прежнему пуста. Лишь по прошествии целого часа появились сперва учитель и его помощники, а потом и все мальчики и девочки.

Когда все расселись по местам, учитель сказал:

– Сегодня вы все сильно опоздали.

– Простите, сэр, мы ничего не могли поделать, – хором ответили дети.

– Почему же не могли?

И вновь хор ответил:

– Меня не разбудили.

– В котором часу вас будят каждое утро?

Казалось, ученики хотели ответить, но промолчали.

– Что же вы молчите? – спросил учитель.

Дети шевелили губами, но никто не проронил ни звука. Ворон в своем углу тихо каркнул, смеясь про себя.

– Почему вы не отвечаете? – снова спросил учитель. – Учтите, если я сейчас же не получу ответа, то запру вас всех в классе.

– Простите, сэр, мы не можем сказать, – робко произнес один ученик.

– Почему?

– Потому что...

Тут его перебил Острик:

– А почему вы сами пришли так поздно, сэр?

– Что ж, мой мальчик, хоть мне очень жаль признаться в этом, я действительно опоздал.

Все дело в том, что слуга не постучал в мою дверь в обычный час.

– В какой час, сэр? – уточнил Острик.

Казалось, учитель собирается что-то ответить, но он молчал и после долгой паузы произнес:

– Очень странно...

Тогда Ёршик заметил довольно развязным тоном:

– Значит, мы вовсе не опоздали. Вы здесь, и мы здесь – вот и всё.

– Нет, не всё, – возразил учитель. – Начало занятий в десять, а сейчас одиннадцать. Мы потеряли целый час.

– Как же мы его потеряли? – спросил один из учеников.

– Это-то меня и озадачивает. Что ж, подождем немного – и увидим.

И тогда Острик вдруг предположил:

– Может, его кто-то украл?

– Что украл? – хором спросили ученики.

– Я... не знаю, – сказал Острик, и дети рассмеялись.

– Ничего смешного. Кое-что действительно украли: посмотрите на мой урок! – сказал Острик и поднял вверх учебник. И вот что в нем значилось:

$$7 \times 11 = 17$$

$$7 \times 12 = 14$$

$$7 \times 13 = 21$$

$$7 \times 14 = 28$$

$$7 \times 15 = 35$$

$$7 \times 16 = 42$$

$$7 \times 17 = 49$$

$$7 \times 18 = 56$$

$$7 \times 19 = 63$$

$$7 \times 10 = 70$$

Все ученики столпились вокруг Острика и уставились в его учебник. Все, кроме Ёршика, потому что он смотрел на школьные часы.

– С часов что-то пропало, – сказал он, и действительно, часы выглядели не так, как обычно.

Учитель, который до этого тихо постанывал, уронив голову на свой стол, поднял взгляд.

– Что случилось с часами? – спросил он.

– Что-то пропало.

– Действительно, на них только одиннадцать цифр. Одной не хватает, – сказал учитель.
– Нет, нет! – воскликнули ученики.
– Перечисли их, Ёршик, – приказал учитель.
– Один, два, три, четыре, пять, шесть, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать.
– Совершенно верно, – сказал учитель, – вы видите, что их двенадцать. Нет, не двенадцать... да, двенадцать... нет... да... что здесь происходит?! – и он оглядел всех в классе, а потом снова опустил голову на стол и застонал.

Тем временем ворон тихонько прокрался вдоль стропил и оказался над письменным столом учителя. Остановившись, Мистер Галка достал очень тяжелую цифру семь и бросил ее прямо на учительскую голову. Отскочив от лысины на макушке Учителя, цифра упала на стол перед ним. Как только учитель увидел ее, он тут же понял, чего ему все это время доставало. Он быстро накрыл семерку промокашкой, а потом обратился к Ёршику:

– Ёршик, ты сказал, что в часах чего-то не хватает. Ты по-прежнему в этом уверен?
– Да, конечно, – ответил тот.
– Очень хорошо. А помнишь, как вчера ты сказал, что хотел бы, чтобы одна цифра умерла в сумасшедшем доме?
– Да, помню, и я все еще хочу этого.
– Что ж, именно эту цифру ночью кто-то украл.
– Ура! – крикнул Ёршик и подбросил свой учебник к потолку. Он попала в бедного Мистера Галку, который держал в клюве наготове еще одну семерку, готовый сбросить ее. Книга выбила семерку из клюва, и та упала прямиком в кепку Острика, которую он держал в руке. Мальчик достал ее оттуда, наклонился и погладил.

– Бедная Семерка, – сказал он.
– Дай мне эту цифру! – потребовал Ёршик.
– Не дам. Она моя.
– Тогда я отберу ее силой, – сказал Ёршик и схватил Острика, не стесняясь учителя.
– Отпусти меня. Я не отдам тебе бедную Семерку! – с плачем закричал мальчик.
– Ёршик, выйди вперед, – приказал учитель.
Ёршик повиновался.
– Сколько будет семью семь?
Ёршик не ответил. Да и как он мог ответить, раз у него не было семерки.
– А я знаю, – вызвался Острик.
– Конечно, он знает, – презрительно усмехнулся Ёршик. – У него же есть цифра.
– Семью семь будет сорок девять, – продолжал Острик.
– Правильно, – подтвердил учитель. – Налицо явный прогресс.
С тех пор Острик перешел в число лучших учеников класса, а Ёршик оказался среди худших.

– Ну, а если сорок девять умножить еще на семь? – спросил учитель, но все молчали. – Ну же, отвечайте, – не отставал от детей наставник, и тогда Острик предложил:
– А вы сами скажите, сколько это будет, сэр?
– Что ж, мой мальчик, мне очень жаль, но я тоже не могу ответить. Господи, до чего же странно и нелепо! – с этими словами учитель снова опустил голову на письменный стол и застонал громче прежнего.

В это мгновение Мистер Галка взял следующую семерку и уронил ее на пол перед Остриком.

– Триста сорок три, – быстро произнес мальчик; теперь он мог сосчитать, ведь у него была еще одна цифра.

Учитель посмотрел на него и громко рассмеялся, а потом воскликнул:

– Ура-ура!

Когда же сверху упала третья семерка, ворон, сидевший на стропилах, вдруг начал раздуваться. Он уже стал всемеро крупнее, чем был, и начал приподнимать листы шифера на крыше школы. Все ученики посмотрели вверх, а Ёршик даже рот раскрыл от удивленья. И именно в этот рот Мистер Галка, стремящийся поскорее избавиться от семерок, уронил еще одну цифру.

– Две тысячи триста один! – выплюнул Ёршик.

Мистер Галка бросил ему в рот еще одну семерку, и Ёршик, еще сильнее брызгая слюной, произнес:

– Шестнадцать тысяч восемьсот семь!

Тогда ворон принялся швырять в него семерки так быстро, как только мог; и каждый раз, когда он бросал цифру, Мистер Галка становился все меньше и меньше, пока не достиг своих естественных размеров. А Ёршик продолжал из последних сил выкрикивать числа, брызжа слюной и задыхаясь, пока лицо его не почернело, и он не упал в обморок, добравшись до «семьдесят девять тысяч семьсот девяносто два миллиарда двести шестьдесят шесть тысяч двести девяносто семь миллионов шестьсот двенадцать тысяч один».

И лишь тогда Острик открыл глаза и обнаружил, что все это время он спал, свесив голову с края парты.

Ложь и лилии

Кларибель мирно и счастливо жила с матерью и отцом с того времени, когда была совсем крошкой, до того, когда в десять лет пошла в школу.

Ее родители были хорошие, добрые люди, которые любили правду и всегда старались выбирать верные пути. Они учили Кларибель всему хорошему, а ее мать, Фридолина, каждый день ходила навещать и утешать больных и брала дочку с собой.

Когда Кларибель пошла в школу, она стала еще счастливее, потому что у нее теперь не только был свой дом, как и раньше, но и появилось много новых друзей, ее ровесников, с которыми она познакомилась и которых полюбила. Наставница, которая учила детей, была очень хорошей, очень милой и очень старой, с красивыми седыми волосами и добрым лицом, выражение на котором никогда не было строгим и суровым, за исключением тех случаев, когда кто-нибудь из учеников говорил неправду. Тогда улыбка исчезала с ее лица, и это было похоже на перемену в небе, когда солнце уже село; тогда старушка становилась мрачной и молча плакала. Если ребенок, который поступил плохо, приходил, сознавался в своем проступке и обещал никогда-никогда больше не лгать, улыбка возвращалась на лицо наставницы, подобно солнечному свету. Но если ребенок упорствовал во лжи, ее лицо становилось суровым и оставалось в памяти лжеца, даже когда старушки не было рядом.

Каждый день наставница рассказывала детям о красоте правды и о том, что ложь – черная, ужасная вещь. Она также рассказывала им истории из Великой Книги, и была среди них одна, которую старушка особенно любила и все ее ученики тоже. Это была история о прекрасном Городе, где после смерти будут жить хорошие люди.

Детям никогда не надоедало слушать об этом Городе, похожем на яшму, прозрачную, как кристалл, с двенадцатью воротами, на которых написаны их названия; обычно они расспрашивали наставницу об Ангеле, который измерял Город золотой тростинкой. В конце рассказа голос наставницы всегда становился очень серьезным, а дети затихали и теснее прижимались друг к другу в страхе, ведь старушка говорила, что за пределами этого прекрасного Города навсегда приговорены стоять те, «кто любит и говорит неправду». А добрая наставница рассказывала о том, как ужасно было бы стоять там, снаружи, и лишиться всей той красоты и вечного великолепия, которые находятся внутри. И все это из-за проступка, которого ни одно человеческое существо не должно допускать, – из-за лжи. Люди не слишком сердятся, даже если человек виноват, но сразу же сознался в этом; но если вину усугубляет ложь, тогда всех охватывает справедливый гнев. И если мужчины и женщины – даже отцы и матери, нежно любящие своих детей, – гnevаются, то насколько же сильнее будет гнев Бога, против которого совершает грех солгавший?

Кларибель любила эту историю и часто плакала, когда думала о бедных людях, которым придется навечно остаться вне стен прекрасного Города, но она и помыслить не могла, что сама способна солгать. А меж тем, когда люди считают себя очень хорошими, им грозит опасность согрешить, ведь если мы не будем всегда остерегаться зла, то наверняка сделаем что-нибудь не так. Вот почему никогда не лгавшая Кларибель не опасалась зла, и вот почему ее легко было ввести в искушение. А случилось это так.

Все ученики решали задачи. Некоторые, хорошо знавшие арифметику, справились с заданием и получили верный ответ, другие решили задачу, но ответ не сходился с учебником, а третьи застряли и не сумели получить совсем никакого ответа. Парочка особенно избалованных детей даже не попытались получить ответы, а просто нарисовали картинки на своих грифельных досках и подписались. Кларибель попыталась решить свою задачу, но не смогла вспомнить, сколько будет девятью семь. Вместо того чтобы начать с «дважды один – два» и двигаться дальше, она разленилась, бросила задачу и начала рисовать, но и это занятие вскоре ей

наскучило. Девочка посмотрела в окно, придумывая, что бы нарисовать, и увидела внизу на окне красочные цветы, которые изобразили там, чтобы дети во время уроков не отвлекались на прохожих. Кларибель остановила взгляд на одном из этих цветов, лилии, и стала ее рисовать.

Скуро-Искуситель увидел, что девочка смотрит в окно, и начал свое коварное дело. Чтобы помочь ей совершить то, чего не должна, он принял форму лилии и еле заметно поступил на грифельной доске, так, чтобы Кларибель только оставалось обвести контур – и вот рисунок готов. Конечно, нет ничего плохого в том, чтобы нарисовать лилию, и, если бы Кларибель сделала это сама и в соответствующий момент, ее бы похвалили; но даже хорошее дело становится плохим, если сделать его не вовремя. Так и произошло.

Вскоре наставница попросила учеников показать ей результат занятия. Когда Кларибель принесла ей свою доску, она понимала, что поступила нехорошо, и жалела о своем поступке, но жалела только потому, что боялась наказания. Когда наставница спросила у девочки ответ, та опустила голову и сказала, что не смогла решить задачу.

– А ты пробовала? – спросила наставница.

– Да, – ответила Кларибель, думая о том, что некоторое время она действительно пробовала это сделать.

– Ты теряла время зря? – прозвучал следующий вопрос. – Может, ты занималась еще чем-нибудь, кроме своей задачи?

Тут Кларибель поняла, что у нее будут неприятности из-за того, что она бездельничала, если она в этом признается. Забыв о Яшмовом Городе и о тех, кто обречен остаться за его прекрасными воротами, девочка ответила, что весь урок занималась только задачей. Наставница поверила ей – ведь раньше Кларибель всегда говорила правду – и сказала:

– Полагаю, ты запуталась, мое милое дитя; позволь мне тебе помочь, – и она была так добра, что показала девочке, как решить эту задачу.

Возвращаясь на свое место, Кларибель повесила голову, потому что она знала, что солгала, и, хотя об этом никто не узнает, ей было грустно. Она чувствовала себя так, будто уже стоит у стен сияющего Города. Но даже в тот момент все было бы хорошо, если бы она бросилась к наставнице и сказала: «Я поступила дурно, но я исправлюсь». Увы, Кларибель этого не сделала, и с каждой прошедшей минутой сделать это становилось все труднее.

Вскоре уроки закончились, и Кларибель грустно побрела домой. Ей не хотелось играть, потому что она солгала, и на сердце у нее было тяжело.

Когда пришло время ложиться спать, девочка устало легла в постель, но не могла уснуть, не могла молиться и лишь горько плакала. Она сожалела о том, что сказала неправду, и считала, что ее сожаления недостаточно, чтобы опять стать счастливой. И тут Кларибель услышала голос своей совести: «Прошу тебя, завтра же признайся в обмане».

И вновь увы – она подумала, что в признании нет необходимости, так как грех уже в прошлом и своим обманом она никому не причинила зла. И все же Кларибель знала, что не права. Если бы кто-нибудь спросил наставницу, та бы, наверное, сказала: «Так всегда бывает, дорогие детки. Грех невозможно избыть, не испытав перед тем стыда, потому что без стыда и раскаяния нельзя очистить душу».

В конце концов, наплакавшись, Кларибель уснула. А пока она спала, Ангел-Дитя прокрался в ее комнату и пролетел над ее веками, так что даже во сне она увидела его волшебный свет и вспомнила о Городе, похожем на яшму, прозрачную, как кристалл, с двенадцатью воротами, на которых написаны их названия. А еще в том сне был Ангел с золотой тростинкой, и Кларибель была так счастлива, что совершенно забыла о своем грехе. Но Ангелу-Дитя были ведомы все ее мысли, и он становился все меньше и меньше, пока весь его свет не погас. Спящей же Кларибель показалось, что все кругом потемнело, и она поняла, что стоит за воротами прекрасного Города. А прекрасный Ангел, который держал в руке золотую тростинку, встал на зубчатой стене и произнес ужасным голосом:

– Кларибель, оставайся за стенами; ты лжешь и любишь ложь.

– О, нет, – возразила Кларибель, – я вовсе не люблю ее.

– Тогда почему ты не признаешься в своем проступке?

Кларибель молчала; она не хотела признавать свой грех, и на сердце у нее было тяжело. Тогда Ангел поднял золотую тростинку и – глядь! – на ее конце распустилась прекрасная лилия. А потом Ангел сказал:

– Лилии растут только для чистых душ, которые живут в Городе, а ты должна оставаться за его пределами, среди лжецов.

Увидев, как яшмовые стены перед ней поднимаются все выше и выше, Кларибель поняла, что они стали для нее вечной преградой и что ей суждено навсегда оставаться за пределами прекрасного Города. Тогда ее охватили боль и ужас; она наконец осознала, как сильно согрешила, и ей нестерпимо захотелось признаться в этом.

Скуро увидел, что девочка раскаивается – ведь он тоже умел читать мысли Кларибель, – и попытался стереть сон о прекрасном Городе, но Ангел-Дитя проник в ее душу и озарил ее своим светом. И тогда семя раскаяния в детской душе проросло и расцвело.

Проснувшись рано поутру, Кларибель тут же пошла в школу, повинилась наставнице в своем грехе и вновь обрела счастье.

Все дальнейшую жизнь она любила лилии, потому что помнила о своей лжи, о раскаянии и о том, что лилии растут в Яшмовом Городе, который предназначен только для чистых душ.

Замок Короля

Когда бедному Поэту сказали, что та, которую он любит больше всех на свете, его жена, лежит больная и тень опасности накрыла ее, его охватило глубокое отчаяние.

Несколько предыдущих недель Поэт провел в одиночестве: жена уехала далеко, в дом, где раньше жила, чтобы повидать престарелого дедушку, пока тот не умер. И уже несколько дней сердце Поэта сжимала странная тоска. Он не знал ее причины, понимая только (ибо обладал даром всех поэтов глубоко сопереживать), что его любимая больна, и с тревогой ждал известий. Когда же известие пришло, Поэта охватило глубокое отчаяние: хоть он и ждал грустных вестей, потрясение оказалось для него слишком сильным.

В печали и тревоге он вышел в сад, который долгие годы выращивал для Нее. Там, среди ярких цветов, где старые статуи выделялись мягкой белизной на фоне тисовых изгородей, Поэт лег в высокую нескошенную траву и, уткнувшись в нее лицом, зарыдал.

Он думал о прошлом – как он завоевал свою жену и как они любили друг друга. Как же грустно и жестоко, что сейчас она далеко и ей грозит опасность, а его нет рядом, чтобы утешить ее или хотя бы разделить с ней боль!

Много, очень много воспоминаний посетило Поэта.

Они напомнили о трудных годах, печальных и одиноких, о которых он забыл за годы радостной жизни в своем прекрасном доме.

О том, как в юности они встретились и полюбили в тот же миг, но его бедность и ее высокое положение не позволяли им соединиться.

Как он боролся и трудился все эти изнурительные годы, поднимаясь по крутой каменистой дорожке к славе и богатству, напрягая все силы с одной лишь мыслью – завоевать такое место в истории своего времени, чтобы оно позволило ему прийти к любимой и сказать: «Я люблю тебя», а ее гордым родственникам: «Я достоин этой девушки, потому что я тоже стал великим».

Как среди всех этих мечтаний о счастливых временах, которые, быть может, однажды наступят, он молчал о своей любви. Как был лишен возможности видеть возлюбленную, слышать ее голос и даже не хотел знать, где она живет, из опасения, что это помешает ему достичь своей цели в жизни.

Как со временем судьба вознаградила его за труд и терпение – так всегда бывает с теми, кто работает честно и с одной целью. Как мир узнал его имя и Поэта стали уважать и любить за то, что этот человек помогал слабым и измученным, собственным примером делал чистыми помыслы тех, кто прислушивался к его словам, и отметал прочь любую низость величием и простотой своих благородных мыслей.

Как вслед за славой пришел успех и как в конце концов в сердце, измученном любовными сомнениями, родилась мысль, что он наконец-то достиг величия, которое дает ему право просить руки той, кого он любит.

Как он вернулся в родной город и обнаружил, что девушка до сих пор свободна. Как наконец-то осмелился сказать ей о своей любви, а она прошептала в ответ, что тоже ждала все эти годы, потому что знала, что однажды он придет за ней.

Как его новобрачная приехала вместе с ним в дом, который он строил для нее все эти годы. Как они жили в нем, и были счастливы, и осмеливались надеяться, что проживут долгие грядущие годы в безграничной радости и довольстве. И как даже потом, когда у Поэта стало меньше сил после долгих лет неустанного труда, забот и надежд, он все равно продолжал верить в долгие годы счастья, которые еще впереди.

Но – прощай, надежда! Кто может знать, что нам готовит грядущий день? Совсем недавно дорогая жена покинула его здоровой, уехав исполнить свой долг; а теперь она лежит больная, и он не в силах ей помочь.

Казалось, из жизни Поэта исчез солнечный свет. Долгие годы он ожидал и терпеливо продолжал совершать добрые дела, пока они не увенчались любовью, а теперь эти годы казались всего лишь мимолетным сном, и все было напрасно.

Теперь, когда смертная тень нависла над любимой, казалось, что эта туча висит и над ним самим, окружая их обоих темной бездной рока.

– Зачем, о, зачем, – спрашивал бедный Поэт у незримого воздуха, – пришла к нам любовь? Зачем пришли покой, радость и счастье, если темные крылья погибли укрыли тенью все вокруг нее и оставили меня рыдать в одиночестве?

И долгие, горькие, одинокие часы провел он в стогах, слезах и ропоте на судьбу, уткнувшись лицом в высокую траву. А потом к нему пришли люди и, со слезами на глазах, принесли известие куда более горькое, чем прежде.

При звуках их голосов Поэт приподнял голову, и люди прочли в его больших, темных, нежных глазах безумие. Он печально улыбнулся, словно не вполне понимал смысл услышанного – ведь люди как можно мягче пытались сообщить, что его любимая умерла.

Они сказали:

– Она ушла в Долину Тени, – но Поэт, по-видимому, не понял.

Они прошептали:

– Она услышала Музыку Сфер, – но он все равно не понял.

Тогда они грустно сообщили ему:

– Теперь она обитает в Замке Короля.

Он пристально посмотрел на них, будто спрашивал: «В каком Замке? Какого Короля?»

И тогда люди склонили головы, отвернулись, пряча слезы, и прошептали тихо:

– В Замке Короля-Смерти.

Поэт не сказал ни слова, поэтому люди снова повернули к нему заплаканные лица и увидели, что он поднялся на ноги и стоит с выражением решимости на лице. Потом он мягко произнес:

– Что ж, тогда я пойду и найду мою любимую, чтобы жить с нею там, где она пребывает ныне.

– Вы не можете туда пойти, – возразили люди. – Она по ту сторону Портала, в Стране Смерти.

Серьезные, любящие глаза Поэта горели решимостью, когда он ответил:

– Куда ушла она, пойду и я. Через Долину Тени я проложу свой путь. В моих ушах тоже прозвучит Музыка Сфер. Я буду искать и найду мою возлюбленную в чертогах Замка, и крепко обниму ее даже перед ужасным ликом Короля Смерти.

Услышав эти слова, люди снова склонили головы и, зарывав, воскликнули:

– Увы нам! Увы!

Поэт же повернулся и пошел прочь. И даже тогда люди готовы были последовать за ним, но он подал им знак, чтобы они не двигались с места, и ушел один, наедине со своим горем.

Отойдя на некоторое расстояние, Поэт повернулся и помахал рукой на прощанье. Постоял немного с поднятой рукой и повернулся к людям спиной. Внезапно его поднятая рука замерла и куда-то указала. Проследив за ней взглядом, друзья Поэта увидели, что далеко за Порталом простирается безлюдное пространство. Там, в пустоте над болотами, подобно пелене мрака, на далеком горизонте висел туман. И именно туда указывала рука Поэта, а в его печальных глазах, омраченных потерей, мелькнула искра счастья – очень, очень слабая, – словно вдали он заметил какой-то знак или надежду на встречу с утраченной любовью.

Быстро шагал печальный Поэт сквозь жаркий день.

Наступило Время Отдыха, но он все шагал вперед, ни разу не останавливаясь – ни ради отдыха в тени, ни ради еды, ни чтобы смочить пересохшие губы ледяной водой из прозрачного ручья.

Измученные путешественники, отдохавшие в прохладной тени возле фонтанов, поднимали усталые головы и смотрели на него сонными глазами, когда он быстро шагал мимо, не замечая никого. Поэт просто шел дальше, целеустремленно глядя вперед, словно проблеск надежды настойчиво звал его из-за туманов далеких болот.

Так он шагал по жаре весь день и всю молчаливую ночь. Когда едва забрезжил рассвет и бледный свет еще не взошедшего солнца озарил восточную часть неба, а горизонт черной линией проступил на фоне холодного утреннего света, Поэт подошел к Порталу. Там, как обычно, стояли Ангелы, несущие свою вахту, и – о чудо! – незримые людскому глазу, они были видны ему.

Когда Поэт подошел, Ангелы с жалостью посмотрели на него и широко распростерли свои огромные крылья, словно желая укрыть несчастного. Он заговорил, и слова, идущие прямо из его пораженного горем сердца, слетали с бледных губ:

– Скажите, о, охраняющие Страну, проходила ли здесь моя любимая, идущая в Долину Теней, чтобы услышать Музыку Сфер и поселиться в Замке Короля?

Ангелы у Портала склонили головы в знак подтверждения, а потом повернулись и взглянули в противоположную от Страны сторону – туда, где далеко в пустынном краю влажные туманы выползают из безжизненной груди болот. Они знали, что бедный одинокий Поэт отправился на поиски своей любимой, поэтому не стали чинить ему препятствий и даже не пытались уговаривать остаться. Они очень жалели этого человека, чья любовь была так велика, и поэтому просто расступились, чтобы он мог беспрепятственно пройти через Портал. И Поэт пошел дальше в бесплодную пустыню, на поиски Замка Короля и своей любимой.

Некоторое время он шагал через сады, которые затмевали даже сады Страны. Все в них было так прекрасно, что воздействовало на чувства подобно ароматам Островов Благословенных.

Коварство Короля-Смерти, который правит Царством Зла, велико. Он приказал сделать дорогу от Портала полной очарования. Те, кто сойдет с пути, предопределенного для добра, видели вокруг себя такую красоту, что от радости забывали мрак, жестокость и грех пустыни.

Но по мере того как Поэт шел дальше, эта красота начала меркнуть. Чудесные сады выглядели так, словно за ними вдруг перестали ухаживать заботливые руки, и вместо прекрасных цветов всюду буйно разрослись сорняки. Дорога перестала быть тенистой аллеей под раскидистыми ветвями, а бархатная трава под усталыми ногами Путника превратилась в тропу из острых камней, открытую жгучим лучам солнца. Цветы, утратив аромат, стали ниже, стелясь по земле, зато по обе стороны от тропы поднялся высокий болиголов, отравляя воздух своим вредоносным запахом. В темных ложбинах, где стояли лужи темной воды, росли большие грибы, и всюду возвышались деревья с ветками, напоминающими скелеты, и розовые кусты без листьев, в тени которых нельзя задерживаться, если не хочешь умереть.

Потом путь преградили громадные скалы. Обойти их можно было только по узким извилистым тропкам, над которыми нависли острые утесы грозящие в любую минуту обрушиться и погрести под собой путника. Все кругом потемнело, и в этом сумраке густой туман, поднимающийся с далеких болот, принимал странные очертания. С далеких гор доносился рев диких зверей, живущих в берлогах и пещерах, и воздух наполнился устрашающими звуками ночи.

Но бедный Поэт не обращал внимания ни на ужасные картины, ни на пугающие звуки. Он все шел вперед, не думая о ночных страхах. Он не ощущал ужаса, потому что не боялся ни темноты, ни и смерти. Он стремился к своей любимой в Замок Короля и в нетерпеливых поисках позабыл все естественные страхи.

Так шел он вперед сквозь долгую ночь, поднимаясь по крутым склонам и проходя невредимым в тени громадных скал. Дикие звери бродили вокруг него с яростным ревом, их глаза горели, как огненные звезды в ночной темноте. С высоких скал ползли огромные питоны и свешивались вниз, готовые схватить свою жертву. Из расщелин в горных склонах и глубоких провалах на скалистой дороге выползали ядовитые гады и готовились нанести удар. Но хотя все эти опасные твари подбирались близко, ни одна не решалась напасть – они знали, что одинокий пришелец направляется в Замок Короля.

А Поэт без усталости шагал все дальше и дальше, не останавливаясь.

Когда наконец рассвело, солнце осветило печальную картину. По каменистой дороге шагал бедный, одинокий Поэт, все дальше и дальше, не замечая ни холода, ни голода, ни боли. Его босые ноги оставляли на каменистой дороге кровавые следы, а со всех сторон вокруг него, не обгоняя и не отставая, по вершинам горных кряжей крались дикие звери, считающие человека своей добычей и не смеющие тронуть того, кто шел в Замок Короля.

В воздухе кружились зловещие птицы, которые обычно следят за умирающими и заблудившимися людьми, – стервятники с голыми шеями, внимательными глазами и голодными клювами. Их огромные крылья лениво хлопали в безжизненном воздухе, пока они летели вслед за странником. Стервятники терпеливы, и они ждут, когда добыча упадет.

Из провалов в жерлах черных гор быстро и бесшумно появлялись притаившиеся там змеи. Выполз питон, свиваясь в колоссальные кольца и показывая нелепую маленькую плоскую голову. Выполз удав со всей родней, которая с силой хватает добычу и душит ее в своих смертоносных объятиях. Выползли кобры и все те змеи, яд которых убивает жертву. И еще выползли и притаились в ожидании самые опасные змеи – те, что завораживают жертву странным, магическим взглядом и медленной грацией приближения; и мелкие гады, принимающие окраску травы, листьев, сухих веток или заросшего пруда, где они обитают, чтобы неожиданно напасть на ни о чем не подозревающую жертву; и крупные проворные змеи, что свисают со скал или ветвей, крепко обвиваясь вокруг опоры и с быстротой молнии нанося удар сверху вниз, точно хлыст.

Все эти смертоносные животные устремлялись к отважному путнику, чтобы напасть на него, но когда узнавали, что человек этот идет к ужасному Замку Короля, и видели, как бесстрашно он движется вперед, то не решались атаковать. Смертоносные питон и удав застыли на месте, свернувшись в огромные петли, и бездействовали, словно окаменев на время. Кобры втягивали обратно ядовитые зубы. Мягкие, глубокие, серьезные глаза завораживающей змеи затуманивала меланхолия, так как она чувствовала, что здесь ее умение зачаровывать не принесет ей победу. Свисающие с ветвей или скал змеи останавливались на середине броска и повисали в воздухе, напоминая слабо натянутые веревки.

Многие следовали за странником до самой пустыни в надежде, что им подвернется возможность его уничтожить, но и в ней его поджидало не меньше опасностей. По мере того как он уходил все дальше, каменистая дорога становилась темнее и забирала все круче. Поднимался зловещий, леденящий туман. А потом на пути Поэта в этой лишенной дорог глуши стали появляться странные и ужасные вещи.

Мандрагоры – наполовину растения, наполовину люди – оглушали путника отчаянными, пронзительными воплями, но, лишенные возможности причинить ему зло, лишь тщетно тянули к нему свои призрачные руки. Гигантские шипы вырастали из тропы, пронзая многострадальные ступни Поэта и разрывая его плоть; но отважный безумец, даже ощущая боль, не обращал на нее внимания. На протяжении этого долгого ужасного путешествия в голове его была лишь одна мысль, кроме страстного желания найти свою любимую. Он думал о том, что дети человеческие могли бы много узнать из этого путешествия к Замку Короля, которое начинается так чудесно, среди душистых садов и в прохладной тени раскидистых деревьев. В

сердце своем Поэт говорил со множеством людей, и ныне с его губ лились слова, похожие на музыку, – песнь о Золотых Вратах, которые Ангелы называют Истиной:

Остановись у тех закатных врат!
Не зря на страже Ангелы стоят.
Хоть широко распахнут вход в Портал,
Еще уйти черед твой не настал.
Прохладой и цветами манит сад —
За ним долины мрачные лежат.
Останься! Будь доволен тем, что есть,
В пустыне дикой ужасов не счесть.

Вот так преодолевал все преграды бедный, убитый горем Поэт с босыми, разбитыми в кровь ногами. Он упорно шел все вперед и вперед, к Замку Короля, на поиски своей любимой, и с каждым шагом хищные твари, которых он оставлял за спиной, словно бы исчезали. Шакалы и подобные им трусливые звери уползали прочь. Львы и тигры, медведи и волки и все прочие отважные и жестокие хищники сперва приглушенно рычали, а потом и громко ревели, задирая головы и топорща усы, а их большие белые клыки злобно щелкали от бессильной ярости. Они еще некоторое время следовали за человеком, но вскоре один за другим стали замедлять шаг и отставать, пока бедный Поэт не пошел дальше в полном одиночестве.

Кружащиеся в воздухе стервятники громко кричали, замирая на месте, а потом тоже прекращали преследование.

Дольше всех продержались змеи. Извиваясь и неприметно скользя вперед, они упорно преследовали странника, находя радость и надежду в кровавых следах, которые он оставлял за собой на скользких камнях. И все же наступил такой момент, когда ужасы тех мест, по которым шел Поэт, – мрачные ущелья, из которых дует ядовитый ветер, наполняющий отчаянием даже логова хищных зверей, бесплодные пустоши и опустевшие долины – остановили даже змей, заставив их повернуть назад, полных горького разочарования.

Затем начались места, где оставалось все меньше растений. Даже сорные травы росли более чахлыми и слабыми. Еще дальше их сменили бесплодные, голые скалы, где самые ядовитые травы, которые принимали призрачные очертания под влиянием мрака и ужаса, теряли способность причинять вред, который длится дольше жизни самого растения, и даже смертоносный анчар не мог пустить корни в зараженную землю. А еще дальше, у самого входа в Долину Тени, даже твердые предметы теряли свою плотность и таяли, превращаясь во влажный, холодный туман, носящийся над землей.

Погруженный в печаль Поэт уже не чувствовал твердой почвы под кровоточащими ступнями. Он шагал по теням и среди теней, все вперед и вперед, через Долину Тени, стремясь к своей любимой в Замок Короля.

Долина Тени казалась бесконечной, окруженная бурлящим туманом, сквозь который не мог проникнуть ничей взор и увидеть высочайшие горы, между которыми лежала Долина. И все-таки они были там: гора Отчаяние с одной стороны и гора Страх – с другой.

До сих пор бедный, сбитый с толку разум Поэта не обращал внимания на опасности, страхи и страдания вокруг, разве что они учили его чему-то. Но теперь, хотя его со всех сторон окутывали испарения Долины Тени, странник невольно вспомнил о встретившихся на пути ужасах. Его окружали чудовищные фантомы, бесшумно встающие в тумане и опять исчезающие раньше, чем он мог полностью осознать их жуткий смысл.

Потом в его душе зародилась пугающая мысль...

Возможно ли, что его любимая совершила путешествие сюда? Неужели ей пришлось вынести страдания, выпавшие на долю его самого? Было ли необходимо, чтобы ее пугали все эти кошмары?

Подумав о своей любимой, вытерпевшей такие страдания и ужасы, Поэт издал горестный вопль, прозвеневший в тишине, вспоров туман Долины и эхом отразившись в пещерах гор Отчаяние и Страх.

Этот дикий крик, вырвавшийся из самого сосредоточения страдающей души, пронесся над Долиной и звучал, пока населявшие ее тени людей на мгновение не пробудились от смертного сна. Смутными тенями носились они по Долине Тени, то тая, то вновь возвращаясь к жизни, пока вся Долина еще раз не оказалась населенной призраками.

О, каким страданием наполнилась в тот час душа несчастного печального Поэта!

Но когда прошел первый приступ боли, странник понял, что мертвых не терзают кошмары того путешествия, которое он совершил, и все ужасы перехода к Замку Короля существуют только для живых. При этой мысли на него снизошел такой покой, что даже там, в мрачной Долине Тени, он услышал тихую музыку, что прозвучала в пустынном мраке, подобно Музыка Сфер.

Потом бедный Поэт вспомнил слова друзей о том, что его любимая прошла через Долину Тени, познала Музыка Сфер и ныне пребывает в Замке Короля. «Раз я сейчас нахожусь в Долине Тени и слышу Музыка Сфер, значит, вскоре я должен увидеть и Замок Короля» – решил он и двинулся вперед, окрыленный надеждой.

Но увы! – сама надежда превратилась в новую боль, которой он до этого не ведал.

До сих пор Поэт шел вслепую, не разбирая дороги и не видя того, что было рядом, – лишь бы двигаться вперед и достичь своей цели. Теперь же темнота таила в себе новые опасности: путник постоянно думал о том, что может помешать его миссии, и эти мысли сильно замедляли его, так что мгновения казались ему столетиями, лишенными надежды. Поэт с нетерпением ждал конца пути – того момента, когда в конце Долины Тени он наконец увидит высокие башни Замка Короля. С каждым шагом в его душе росло отчаяние, и вместе с тем все громче звучала в ушах Музыка Сфер.

Вперед, только вперед спешил несчастный Поэт, как безумный. Мрачные тени, заповолившие туман, шарахались прочь, когда он проходил мимо, предостерегая, тянули к нему руки с длинными, темными, смертельно холодными пальцами. Казалось, в этой горькой тишине они твердили ему: «Вернись! Вернись!»

Все громче и громче гремела Музыка Сфер. Все быстрее и быстрее бежал Поэт среди обступившего его сумрака зловещей долины, и тени людей, растворяющиеся перед ним в воздухе, жалобно стонали, предостерегая: «Вернись! Вернись!» Но в ушах человека все громче звучала вызывающая смятение музыка, и он бежал дальше, пока наконец природа не взяла свое и измученное тело не упало на землю – бесчувственное, кровоточащее, одинокое.

Через некоторое время – насколько долгое, он даже не догадывался – Поэт пришел в себя.

Сначала он не мог понять, где находится; и смущенные чувства не могли ему в этом помочь.

Поэта окружали мрак, холод и печаль. Ни ветерка в воздухе, ни единого движения пролетающего облачка. Ни голоса, ни шевеления живого существа на земле, в воде и в воздухе. Ни шороха листвы или качающихся ветвей – все молчало, было мертвым и пустынным. Среди вечных мрачных гор вокруг лежала долина, лишенная всего, что жило и росло.

Текущий туман, полный множества людских теней, исчез. Даже внушающих ужас кошмаров пустыни больше не было. Поэт огляделся по сторонам, и одиночество обрушилось на него с такой силой, какой он прежде и вообразить не мог. Ему захотелось даже, чтобы налетела буря или раздался рев лавины, который нарушил бы это ужасное, гнетущее молчание.

Тогда Поэт понял, что он миновал Долину Тени; Музыка Сфер более не звучала, и странник подумал о том, что теперь ему будет тяжело шагать по печальному Королевству Смерти.

Он огляделся, страхась не увидеть Замка Короля, где пребывает его Любимая, и застоялся, услышав обретенный голос своего сердца: «Не здесь! О, только не здесь, среди этого ужасного одиночества».

В окружающей Поэта тишине эти слова отразились от далеких гор, и пустота ожила, заполненная эхом: «Не здесь! О, не здесь».

Внезапно звуки эха смолкли, и по темному небу прокатился ужасный раскат грома. Очень далеко, над бесконечным серым горизонтом пролетел он, возвращаясь, нарастая и замедляясь, пока не превратился сперва в угрожающее ворчание, а потом – в ужасный звук, напоминающий слово: «Вперед!»

Поэт опустился на колени и со слезами радости приветствовал это проявление Высшей Силы, которая правит немимым отчаянием глуши. Он понял, что в Долине Тени прозвучал могучий голос Небесного повеления. Потом поднялся на ноги и с обновленным сердцем двинулся вперед, а раскат грома замер вдали, и снова воцарилась одна лишь тишина отчаяния.

Так шло время, но не было отдыха усталым ногам. Вперед, все время вперед шел Поэт, и лишь одно воспоминание подбадривало его – эхо грома по-прежнему отдавалось у него в ушах: «Вперед! Вперед!»

Дорога становилась все менее каменистой, высокие утесы стали ниже и не такие массивные, а к самому их подножью подступила болотная жижа. Наконец пики и пропасти пустынных гор исчезли, и дальше путь странника пролег по пустынному бездорожью, где не было ничего, кроме топкого болота.

Все дальше шел он, вперед и вперед, спотыкаясь, как слепой, на усталых ногах по бесконечной дороге. Все ближе подступала к его душе чернота отчаяния. Пока Поэт блуждал среди гор, его радовала слабая надежда, что в любую минуту, за очередным поворотом дороги, может оказаться конец пути. Его взору мог открыться какой-нибудь вход, Замок Короля мог замаячить вдали, в вышине – или даже совсем близко. Но теперь, на унылой равнине, среди молчаливых болот, окружающих его, странник понимал, что Замок не мог стоять так, чтобы он его не заметил.

Он немного постоял, выпрямившись, а потом медленно повернулся вокруг своей оси, обводя нетерпеливым взором горизонт. Увы! – он не увидел ничего, кроме черной линии в том месте, где печальная земля смыкалась с ровным небом. Все, все вокруг превратилось в безмолвную темноту.

И все же Поэт медленно шел вперед, тяжело и часто дыша. Усталые ноги дрожали и почти уже не держали его, а жизненные силы быстро покидали измученное тело. Одна лишь отчаянная мысль осталась в его бедной голове: в Замке Короля он должен найти свою любимую.

В какой-то момент Поэт споткнулся и упал. Его ноги не наткнулись на какое-то препятствие, скитальца просто подкосила его собственная слабость. И все же он быстро поднялся и двинулся дальше, слепо следуя к своей цели, страхась того, что если упадет снова, то, быть может, уже не сумеет подняться. Но все же, спотыкаясь и падая вновь и вновь, страдалец все-таки продвигался вперед, не останавливаясь ни на миг.

Наконец он так ослабел, что, упав, уже не смог подняться и лежал, все больше слабее. И в тот же миг, когда его страстные глаза подернулись пленкой смерти, наступило облегчение: Поэт понял, что в этой гонке он прошел всю дистанцию до конца и скоро встретит любимую в чертогах Замка Короля.

Странник высказал свою мысль в пустоту, окружающую его, и голос его звучал слабо, больше напоминая стон ветра перед бурей, когда он шелестит в камышах серой осенью:

– Еще немного. Скоро я встречу с ней в Чертогах Короля, и мы навсегда будем вместе. Ради этого стоит пройти Долиной Тени и выслушать Музыку Сфер, полную горестной

надежды. Какая разница, что Замок еще далеко? Ноги мертвых шагают быстро, а для летящей души всякое расстояние – всего лишь шаг. Теперь я не боюсь увидеть Замок Короля, потому что там, в самом главном зале, встречу с моей любимой, чтобы никогда уже больше не расставаться.

Произнося эти слова, Поэт чувствовал, что конец его близок.

Из болота впереди него напал холодный туман. Он бесшумно поднимался выше и выше, окутывая пустошь до самых дальних границ и приобретая все более глубокие, темные оттенки, словно внутри его был спрятан Дух Мрака, который становился все более могущественным по мере распространения влажной пелены.

Глазам умирающего Поэта казалось, что напалзающий туман – это замок из тени. Вот перед ним выросли высокие турели и хмурая цитадель. Вот проявились ворота с глубокими нишами, обрамленные башнями, похожие на череп. Далекие стены парили в молчаливом воздухе. От самой земли, на которой лежал обессиленный Поэт, тянулась темная, неясно видимая, широкая дорога, уходящая во мрак ворот Замка.

Умирающий Поэт поднял голову. Его быстро слабеющим глазам помогали лучше видеть любовь и надежда, так что взор страдальца проник сквозь темные стены цитадели и пугающий мрак ворот. И там, в огромном Чертоге, где собирает своих придворных сам Король Ужасов, он увидел женщину, к которой стремился. Она стояла в рядах тех, кто терпеливо ждал, когда их возлюбленные последуют за ними в Страну Смерти.

Поэт знал, что ждать осталось совсем недолго, и был терпелив, хотя и лежал, окруженный Вечно Безлюдными Пустошами.

Из-за далекого горизонта сочился слабый свет, словно там вставал рассвет нового дня. Он разгорался все ярче, и Замок вырисовывался все яснее, пока в конце концов, не явился во всем своем холодном великолепии на фоне восходящей зари.

Умирающий Поэт в последнем усилии поднялся с земли, чтобы, стоя прямо и смело, как и подобает мужчине, встретиться лицом к лицу с мрачным Королем-Смертью.

Далекое солнце наступающего дня поднялось над краем горизонта.

Луч света взлетел вверх.

В тот миг, когда он упал на вершину цитадели Замка, дух Поэта полетел по мощеной дороге. Он пронесся через призрачный портал Замка и радостно встретился с родной душой, которую так любил.

И тогда быстрее вспышки молнии весь Замок растаял и исчез, а над Вечно Безлюдными Пустошами спокойно и ярко засияло солнце.

В Стране за Порталом тоже поднималось солнце наступающего дня. Так же ярко и спокойно засияло оно над прекрасным садом, где в высокой летней траве лежал Поэт, холоднее мраморных статуй вокруг.

Чудо-ребенок

Далеко на краю большого залива, уходящего вглубь суши от бескрайнего моря, стояла мирная деревушка.

Ее жители-хлеборобы вели счастливую, обеспеченную жизнь. Они рано поднимались, поэтому прохладным ранним утром слушали песнь жаворонка, невидимого в рассветной вышине: он пел утренний гимн, который никогда не забывает. Когда же незаметно приходил час заката, жители деревни возвращались в свои дома, радуясь отдыху, который приносила с собой ночь.

Осенью, когда начиналась пора урожая, хлеборобы трудились допоздна, и у них была такая возможность, ибо в то время доброе Солнце и его супруга Луна договорились, что будут помогать тем, кто убирает урожай. Вот почему солнце не заходило в эти дни немного дольше, а луна вставала с постели на горизонте немного раньше, и света для работы было всегда достаточно. И вот почему красная, широкая, круглолицая луна, которая смотрит вниз на работающих хлеборобов, зовется Луной Жатвы.

Хозяином одного поместья в этой деревне был очень хороший, добрый человек, который всегда помогал бедным. В час обеда двери его особняка стояли открытыми, и все, кто голоден, мог войти, сесть за стол, и его принимали как желанного гостя.

У этого Хозяина поместья было трое детей: Сиболд, Мэй и совсем маленький мальчик, младенец – он недавно появился и еще не получил имени.

Сиболду только что исполнилось восемь лет, а Мэй осталось два месяца до шести. Они очень любили друг друга как и положено брату и сестре и всегда играли вместе. Мэй считала, что Сиболд большой и сильный, и всегда соглашалась делать все, чего бы он ни пожелал.

Сиболд любил находить разные вещи и обследовать окрестности, и двое детей побывали во всех уголках владений их отца.

У брата с сестрой были свои потаенные убежища, о которых не знал никто, кроме них. Некоторые из этих убежищ были очень странными, чудесными местами. Одно располагалось в полем стволе дуба, где обитало столько белок, что ветки напоминали улицы городка, по которым зверьки сновали взад-вперед.

Другое место дети выбрали на вершине скалы, и до него можно было добраться по узкой тропинке между густыми зарослями плюща. Там находилось нечто вроде громадного кресла из камня, на котором могли сесть только они вдвоем; дети часто брали с собой обед и сидели полдня, глядя поверх верхушек деревьев вдаль – туда, где на сверкающем море лежала белая линия горизонта. В такие часы они поверяли друг другу свои мысли, рассуждая о том, что бы им хотелось сделать сейчас, а что – позже, когда они вырастут.

Было у брата с сестрой и еще одно место, самое любимое из всех. Оно находилось под большой плакучей ивой. Это было могучее дерево, уже прожившее несколько сотен лет. Оно возвышалось над другими деревьями, там и сям растущими на лугу. Длинные, густые, раскидистые ветви ивы опускались так низко, что даже зимой, когда листья уже опадали и ветви были голыми, сквозь них почти ничего невозможно было рассмотреть.

Когда на иве появлялся новый весенний наряд, все дерево, от самой вершины до покрытой мхом земли, из которой оно росло, превращалось в сплошную зеленую массу; и под нее трудно было забраться, даже зная как. Все дело в том, что в одном месте опущенная к земле ветка давным-давно сломалась во время сильной бури, которая повалила много деревьев в лесу, но ветки, свисающие рядом с ней, выпустили новые зеленые побеги и заполнили пустое пространство тонкими прутиками. Летом листья скрывали его сплошной зеленой массой, но тот, кто знал о бреши, мог раздвинуть веточки и попасть в естественную беседку.

Ах, это была самая прекрасная беседка на свете! Как бы жарко ни грело солнце снаружи, в ней всегда было свежо и приятно. От земли до самой «крыши» из переплетенных темных ветвей все в ней было окрашено нежно-зеленым цветом, потому что свет просачивался сквозь листья, становясь мягким и нежным. Сиболд и Мэй думали, что таким видят снизу море русалки, которые поют и расчесывают свои длинные волосы золотыми гребнями в холодных океанских глубинах.

В траве вокруг этого огромного дерева росли прекрасные цветы. Астры с широкими разноцветными лицами, которые смотрели прямо на солнце, не моргая, а вокруг них и над ними порхали великолепные бабочки, чьи крылья напоминали радугу, или хвост павлина, или закат солнца, или еще что-то столь же прекрасное. Сладкая резеда, над которой с благодарным жужжанием кружились пчелы. Анютины глазки со своими нежными, большими личиками, дрожащими на стройных стеблях. Тюльпаны, открывающие рты навстречу солнцу или дождю, потому что тюльпан – жадный цветок, бутон которого раскрывается все шире, пока в конце концов не откроется так широко, что головка распадается на части, и цветок погибает. Гиацинты, колокольчики которых собраны на одном стебле, напоминая большое семейство во время праздника. Огромные подсолнухи, чьи опущенные лица сияют, как и подобает детям их отца-солнца.

А еще там были крупные маки с беззаботно растопыренными листьями, сочными стеблями и большими ярко-красными цветами, которые растут и клонятся вниз так, как им нравится, и при этом выглядят такими свободными, беспечными и независимыми. Сиболд и Мэй любили эти маки и каждый день приходили посмотреть на них. На клумбах среди подстилки из мха, откуда поднималась большая ива, они вырастали до громадных размеров – такие высокие, что, когда дети стояли, держась за руки, рядом с клумбой, маки поднимались над ними так высоко, что Сиболд не мог дотянуться до алых цветов, даже встав на цыпочки.

Однажды после завтрака Сиболд и Мэй взяли с собой обед и отправились на весь день в лес. У детей были каникулы, к тому же в доме недавно появился их новорожденный братец, младенец, и все были заняты уходом за ним, так что брату с сестрой удалось увидеть его лишь мельком.

Держась за руки, Сиболд и Мэй обошли все свои любимые места. Они заглянули в дупло дуба, поздоровались со всеми белками, которые жили на дереве, и рассказали им о новорожденном, что появился в доме. Потом пошли на скалу, сели рядом на сиденье и стали смотреть на море.

Некоторое время дети грелись под лучами жаркого солнца и беседовали об их дорогом маленьком братике, которого увидели. Они гадали, откуда он взялся, и решили, что будут все время искать, пока тоже не найдут ребенка. Сиболд сказал, что младенец, должно быть, прибыл из-за моря, и Ангелы положили его на грядку петрушки, а няня нашла его там и принесла в дом, чтобы утешить бедную больную маму. Потом дети подумали о том, как им удастся переплыть море, и решили когда-нибудь увеличить кораблик Сиболда. Тогда они сядут в него и уплывут за море, а уж там поищут еще одного младенца – только для себя.

Вскоре брат с сестрой устали сидеть на солнцепеке и, держась за руки, стали бродить по лугу, глядя на бабочек, пчел, птиц и на прекрасные цветы, пока не пришли туда, где росла огромная ива и где естественные клумбы с воздушными цветами были полны ярких красок и ароматов. На одной клумбе вырос новый цветок. Сиболд его знал и сказал Мэй, что это тигровая лилия; услышав это название, девочка боялась подойти к ней, пока брат не сказал, что лилия не может ее укусить, ведь это всего лишь цветок.

Дети пошли дальше, и по дороге Сиболд срывал для Мэй цветы с каждой клумбы; когда же они уходили от тигровой лилии, он сорвал и ее, но, поскольку Мэй все еще побоялась цветка, нес его сам.

Наконец брат и сестра подошли к большой клумбе из маков. Цветы выглядели такими яркими и прохладными, несмотря на их пламенеющий цвет, и такими беззаботными, что Мэй

и Сиболд одновременно подумали, как хорошо было бы нарвать их побольше и взять с собой в ивовую беседку: они собирались пообедать там и хотели сделать беседку веселой и нарядной.

Но сначала они вернулись к дубу, так как Сиболд предложил сделать маленького братца Королем Пиршества и увенчать его короной из дубовых листьев. Так как самого младенца там не будет, дети решили положить эту корону в такое место, где ее было бы хорошо видно.

Подойдя к дубу, Мэй воскликнула:

– Ой, посмотри, Сиболд, посмотри, посмотри!

Сиболд посмотрел и увидел, что множество белок сидит почти на всех ветках, по две пары на каждой, закинув за спину пушистые хвосты, и поедают орехи так, что за ушами трещит.

Когда белки увидели брата с сестрой, они не испугались, потому что дети никогда не делали им ничего плохого. Все зверьки одновременно издали какой-то хриплый крик и смешно подпрыгнули. Сиболд и Мэй рассмеялись, но им не хотелось тревожить белок, поэтому они собрали столько листьев, сколько хотели, и вернулись обратно к клумбе с маками.

– Сиболд, дорогой, – сказала Мэй, – мы должны нарвать много маков, потому что наш милый крошка их очень-очень любит.

– Откуда ты знаешь? – спросил Сиболд.

– Ну а как же может быть иначе? – ответила она. – Мы с тобой любим маки, а он – наш брат, поэтому он, конечно же, любит их тоже.

И Сиболд рвал маки, некоторые – вместе с прохладными зелеными листьями, пока у каждого в руках не оказалось по огромному букету. Затем дети набрали других цветов и вошли в ивовую беседку, чтобы поесть. Сиболд сходил к источнику, который появился в саду, а потом пробежал вдоль него до моря. Там он набрал в чашку воды и понес назад, стараясь не расплескать, возвращаясь в беседку. Мэй раздвинула для брата ветки, а когда он прошел внутрь, снова их отпустила. Занавес из листьев закрыл их со всех сторон, и двое детей, оказавшись одни в ивовой беседке, принялись ее украшать. Они перевили листьями свисающие ветки и сделали из них гирлянду, которой обвили ствол дерева, потом воткнули маки в разные уголки, так высоко, как только сумели достать, а в завершение Сиболд поднял Мэй, и она поместила тигровую лилию в щель ивового ствола выше всех остальных цветов.

Потом дети уселись поесть. Они очень устали и проголодались, так что получали большое удовольствие от отдыха и еды. Им не хватало лишь одного: чтобы их новорожденный братик был здесь, и они бы сделали его Королем Пиршества.

Закончив обед, Мэй и Сиболд почувствовали, что их совсем разморило, поэтому легли рядом, взявшись за руки и положив головы на плечи друг друга, и уснули, а красные маки кивали головками вокруг них.

Через некоторое время дети проснулись. Судя по их ощущениям, снаружи беседки было скорее раннее утро, чем конец дня. Усталость прошла, сна не было ни в одном глазу, и оба они были такими бодрыми, что им не терпелось отправиться в новую экспедицию, еще более длительную, чем обычно.

– Пойдем-ка к источнику, – сказал Сиболд, – и проверим, как там моя лодочка.

Так они и сделали. Лодочка оказалась на месте, и все ее белые паруса были подняты.

– Давай подтянем ее к берегу? – предложил Сиболд.

– Зачем? – удивилась Мэй.

– Потому что тогда мы сможем отправиться в плавание, – ответил ее брат.

– Но лодочка нас не выдержит, она слишком маленькая, – возразила Мэй, которая очень боялась, но не хотела в этом признаться.

– И все же давай попробуем, – сказал мальчик. Он взялся за веревку, которой лодка была привязана к берегу, и начал тянуть. Веревка была очень длинной, и казалось, будто Сиболд

подтягивал лодку к берегу очень долго. Удивительно, но по мере того как суденышко подплывало все ближе, оно становилась все больше. Когда лодочка уткнулась носом в берег, дети увидели, что она достаточно большая, чтобы вместить их обоих.

– Что ж, садимся, – сказал Сиболд.

Теперь Мэй почему-то уже не боялась. Она забралась в лодку и увидела, что внутри лежат шелковые подушечки, красные, как маки. Сиболд присоединился к сестре и отвязал веревку, которая удерживала лодку у берега. Сев на корме, мальчик взялся за руль, а Мэй опустилась на подушечку, держась за борта. Ласковый ветер наполнил белые паруса, и лодка начала отходить от берега. Крохотные волны разбегались от ее носа, так что Мэй слышала «хлюп-хлюп-хлюп», когда они ударялись о лодку, а потом отскакивали от нее.

Ослепительно сияло солнце, а вода была синей, как небо, и такой прозрачной, что дети видели, как в глубине мечутся рыбки. Травы и деревья, что росли под водой, смыкали и размыкали свои ветви, а их листья шевелились так же, как шевелятся листья деревьев на суше, когда дует ветер.

Некоторое время лодка плыла вперед, прочь от суши, пока не пропала из виду ива, возвышавшаяся над другими деревьями. Потом путешественники опять подошли к берегу и двинулись дальше, все время держась настолько близко, чтобы ясно видеть все, что там находится.

Ландшафт был очень разнообразным, и каждое мгновение взору детей открывалось что-то новое и прекрасное: то выдающаяся вперед скала, вся покрытая свисающими растениями, которые почти касались воды; то пляж, белый песок на котором блестел и сверкал под солнцем, а волны приятно журчали, набегая на берег и снова отступая, будто играли сами с собой в салочки; то темные деревья с густой листвой, свисающей над водой, сквозь плотную тень которой сияли яркие пятна в вышине, откуда лился на поляну солнечный свет.

Зеленая, как изумруд, трава сбегала к самой кромке воды, а примулы и лютики, растущие у края берега, наклонялись и почти целовались с маленькими волнами, поднимавшимися им навстречу. Большие кусты сирени дыханием своих гроздей розовых и белых цветов наполняли сладким запахом воздух на много миль кругом, и ракитник, казалось, льет бесконечные потоки золотистых цветов, свисающих с гибких зеленых ветвей. По стволам гигантских пальм, листья которых бросали прохладную тень на землю, непрерывно сновали обезьяны, срывая кокосы и бросая их вниз. А еще там были алоэ с огромными стеблями, усыпанными пурпурными и золотыми цветами, потому что был тот самый год раз в сто лет, в который только и расцветает это растение, и маки, громадные, как деревья, и лилии с цветками крупнее палаток.

Дети глаз не могли оторвать от всех этих чудес, но главное чудо ждало их впереди. Вскоре они подплыли к поляне, заросшей изумрудной травой в тени гигантских деревьев, где возвышались, свисали с ветвей деревьев или кустились все цветы, какие только существуют на свете. Высокие стебли сахарного тростника поднимались вдоль кромки крохотного ручья, питаемого кристально чистым источником и текущего по руслу из ярких камешков, похожих на драгоценные камни, а рядом пальмы поднимали свои могучие головы, и их большие листья отбрасывали тень даже в этой тени.

Увидев это место, брат и сестра одновременно воскликнули:

– О, как красиво! Давай остановимся здесь.

Наверное, лодочка поняла их желание, потому что не успели дети даже прикоснуться к рулю, а она уже повернула и тихо направилась к берегу.

Сиболд вылез первым и перенес сестренку на землю. Потом мальчик решил привязать лодку, но, как только Мэй покинула ее, все паруса сложились сами собой, якорь прыгнул за борт, и не успели путешественники и рта раскрыть, а их суденышко уже стояло пришвартованным у берега.

Взявшись за руки, брат с сестрой отправились исследовать поляну и все, что на ней было.

Мэй прошептала:

– О, Сиболд, какое славное место! Интересно, есть ли здесь петрушка?

– Зачем тебе петрушка? – удивился он.

– Потому что, если бы здесь была хорошая грядка петрушки, мы, возможно, нашли бы младенца. О, Сиболд, мне так хочется младенца!

– Ну хорошо, давай поищем, – согласился брат. – Кажется, здесь есть все виды растений, а раз так, то должна быть и петрушка. – Сиболд всегда отличался логикой.

И вот дети пошли искать по поросшей травой долине и конечно, вскоре нашли под раскидистыми листьями лимона большую грядку петрушки – самой крупной петрушки, какую когда-либо раньше видели.

Сиболд был очень доволен и сказал:

– Ну вот, похоже, это то, что нужно. Знаешь, Мэй, меня всегда удивляло, как Младенец, который настолько крупнее петрушки, может в ней спрятаться. А ведь он именно прячется, потому что дома я часто хожу поглядеть на эту грядку и никогда там не нахожу младенца, а вот няня всегда находит, стоит ей только поискать. Только вот ищет она нечасто. Если бы мне везло так, как ей, я бы искал все время.

Тут Мэй почувствовала, что желание найти младенца охватило ее с новой силой, и она сказала:

– О, Сиболд, мне так хочется получить младенца! Надеюсь, мы его найдем.

Как только она это произнесла, дети услышали странный звук – тихий, очень тихий смех, будто улыбка, превратившаяся в музыку. Мэй так удивилась, что на мгновение застыла; ей и в голову прийти не могло, что теперь делать, поэтому девочка просто указала рукой в ту сторону, откуда звучал смех, и прошептала:

– Смотри, смотри!

Сиболд бросился туда, поднял лист громадной петрушки, а там – о радость! – лежал самый прекрасный младенец, какого только можно себе вообразить. Мэй тут же опустилась на колени, взяла младенца на руки и стала укачивать, напевая: «Спи-усни, малыш», а Сиболд покорно слушал. Тем не менее через какое-то время он потерял терпение и сказал:

– Послушай, это ведь я нашел младенца, и значит, он мой.

– О, не говори так, – возразила Мэй. – Я первая его услышала. Он мой.

– Нет, мой, – не уступал Сиболд.

– Мой, мой, – твердила Мэй; и она, и ее брат начали слегка сердиться.

Внезапно они услышали тихий стон – словно у мелодии разболелись зубки. Оба в тревоге посмотрели вниз и увидели, что бедный младенец мертв. Детей охватил ужас: они заплакали, стали просить друг у друга прощения и обещать, что больше никогда-никогда не будут ссориться. После этого ребенок открыл глазки, серьезно посмотрел на них и сказал:

– Больше никогда не ссорьтесь и не сердитесь друг на друга. Если вы снова рассердитесь, хоть один из вас, не успеете и глазом моргнуть, как я умру, да-да, и меня похоронят.

– Честное слово, я больше никогда-никогда не стану сердиться, – пообещала Мэй. – По крайней мере, постараюсь.

А Сиболд произнес:

– Уверю вас, сэр, что никакая провокация, вызванная любым стечением обстоятельств, не заставит меня совершить подобное злодеяние.

– Как он красиво говорит! – заметила Мэй, а младенец по-приятельски кивнул мальчику, будто хотел сказать: «Ладно, старина, мы друг друга поняли».

Некоторое время все молчали, а потом младенец поднял на Мэй свои голубые глаза и попросил:

– Пожалуйста, маленькая мама, спой мне еще!

– А что бы ты хотел послушать, кроха? – спросила Мэй.

– О, любой пустячок. Что-нибудь жалостливое, – ответил он.

– В каком-то определенном стиле?

– Нет, спасибо, все, что на ум придет. Я предпочитаю что-нибудь простенькое: любую мелодию, начинающуюся с хроматической гаммы с последующими квинтами и октавами, пианиссимо – экселерандо – крещендо – вплоть до нарушающей гармонию перемены к доминанте уменьшенной ноны⁴.

– Ох, прошу тебя, кроха, прости меня, – смиренно попросила Мэй. – Я пока всего лишь играю гаммы и не понимаю, о чем ты говоришь.

– Посмотри, и увидишь, – сказал ребенок, взял палочку и нарисовал на песке несколько нот.

– Я не знаю ничего из этого, – вздохнула Мэй.

Как раз в этот момент на полянку выбежал маленький желто-коричневый зверек, который гнался за крысой. Оказавшись напротив детей, он внезапно издал звук, похожий на выстрел из пистолета.

– Ну а теперь знаешь? – спросил ребенок.

– Нет, милый, но это не имеет значения, – ответила Мэй.

– Очень хорошо, дорогая, – улыбнулся Ребенок и поцеловал ее, – пой все, что тебе нравится, только пусть эта музыка идет прямо из твоего любящего сердечка. – С этими словами он поцеловал девочку еще раз.

И тогда Мэй спела что-то такое милое и красивое, что и Сиболд, и младенец заплакали, да и сама девочка не смогла сдержать слез. Мэй не знала ни слов, ни мелодии и имела лишь смутное представление, о чем эта песня, но та была очень, очень красивой. Все время, пока девочка пела, она качала на руках младенца, а он обвинял своими маленькими пухлыми ручками ее шею.

Когда она закончила петь, чудесный ребенок сказал:

– Клап-клап-клап, М-клап!

– О чем это он? – в отчаянии спросила она у Сиболда, так как видела, что младенец чего-то хочет.

Как раз в тот момент голова красивой коровы показалась над кустами с протяжным: «Муу-уу-уу». Прекрасный ребенок захлопал в ладоши, и Мэй присоединилась к нему, а потом сказала:

– О, я теперь знаю! Он хочет, чтобы его покормили.

Корова без приглашения вошла на полянку, и Сиболд предложил:

– Полагаю, Мэй, лучше мне ее подоить.

– Да, пожалуйста, дорогой, сделай это, – обрадовалась его сестра; она опять начала тискать младенца, целовать его и укачивать, обещая ему, что скоро его покормят. Все это время девочка сидела спиной к Сиболду, но младенец внимательно наблюдал за дойкой, и его голубые глаза сияли от радости. Почти сразу же он начал смеяться, да так бурно, что Мэй оглянулась. Оказывается, Сиболд, пытаясь подоить корову, тянул ее за хвост. Она же, кажется, не обращала на него никакого внимания и продолжала щипать траву.

– Ну, леди! – сказал Сиболд. Корова в ответ замахала хвостом.

– Ну же, – настаивал мальчик, – поторопись и дай нам молока; этот кроха хочет есть.

– Дорогой младенец не должен ничего желать даром, – отвечала она.

Мэй показалось очень странным, что корова умеет говорить, но так как Сиболд не показывал удивления, она тоже промолчала. Сиболд же тем временем спорил с коровой:

⁴ *Хроматическая гамма* – восходящее или нисходящее мелодическое движение по полутонам, построенное, как правило, на основе мажорной или минорной гаммы. *Квинта* (от лат. *quinta* – «пятая») – музыкальный интервал шириной в пять ступеней. *Октава* – (от лат. *octava* – «восьмая») – музыкальный интервал шириной в восемь ступеней. *Пиа́ниссимо* (муз.) – очень тихо. *Экселерандо* (муз.) – с ускорением. *Крещендо* (муз.) – с нарастанием силы звучания. *Уменьшенная нона* – разновидность музыкального интервала, диссонанс.

– Но, миссис корова, если он не должен ничего хотеть даром, почему вы вынуждаете его желать?

На это корова ответила:

– Не вините меня. Вы сами виноваты. Попробуйте как-нибудь иначе. – И она разразилась хохотом. Хохотала она очень смешно: сначала громко, но постепенно ее смех становился все больше похожим на смех ребенка, так что Мэй скоро уже не могла различить их голоса. Потом корова прекратила смеяться, но ребенок продолжал.

– Над чем ты смеешься, кроха? – спросила Мэй. Как и Сиболд, она ничего не могла вспомнить о дойке. Ей это показалось очень странным, потому что дома она часто видела, как доят коров.

– Так у вас ничего не выйдет, – сказал младенец.

Тогда Сиболд начал поднимать и опускать хвост коровы, как ручку насоса, но от этого младенец расхохотался еще сильнее.

Внезапно, сама не зная, как это случилось, Мэй увидела, что поливает младенца молоком из лейки, а он лежит на земле, и Сиболд придерживает его головку. Младенец хохотал и курлыкал, как безумный, а когда лейка опустела, сказал:

– Большое спасибо вам обоим. Никогда в жизни не получал такого удовольствия от обеда.

– Это очень странно, дорогой кроха! – шепотом произнесла Мэй.

– Очень, – подтвердил Сиболд.

Пока они разговаривали, среди деревьев послышался ужасный шум – сперва очень далекий, но с каждой секундой приближающийся к ним, он был похож на звуки, которые издают кошки, когда пытаются изобразить гром. Эти звуки так и гремели в деревьях:

– Мя-а-у-у-бум-р-пс-с-с! Я-а-аоу-ио-пс-с-с!

Мэй очень испугалась, и Сиболд тоже, но он не хотел в этом признаться. Мальчик считал, что должен защищать маленькую сестренку и младенца, поэтому встал между ними и тем местом, откуда доносились звуки. Мэй же крепко прижала к себе ребенка и сказала:

– Не бойся, дорогой кроха. Мы никому не позволим тебя обидеть.

– Но кто это? – спросил младенец.

– Хотела бы я знать, – ответила девочка. – Тсс, вот он идет.

Как раз в этот момент огромный злой тигр перепрыгнул через вершины самых высоких деревьев и остановился, злобно глядя на детей своими большими, зелеными, горящими глазами.

Мэй смотрела на жуткого зверя широко раскрытыми от ужаса глазами. Она заметила, что тот смотрит не на нее и не на Сиболда, а на младенца. Это ее испугало еще больше, и девочка прижала к себе ребенка еще крепче. Тем не менее она заметила, что глаза тигра с каждой секундой становятся все менее сердитыми, пока наконец не стали такими же добрыми и покорными, как у ее любимого кота.

Потом тигр замурлыкал. Это было похоже на кошачье мурлыканье, только громкое, как барабанная дробь. Однако девочка ничего не имела против: казалось, в громopodobных звуках, издаваемых тигром, звучат ласка и нежность. Затем зверь подошел ближе и, присев перед чудо-ребенком, стал очень осторожно лизать его пухлые ручки своим огромным, шершавым красным языком. Младенец рассмеялся, похлопал тигра по большому носу, подергал его торчащие усы и сказал:

– Здо`рово, здо`рово!

Тигр же продолжал вести себя очень странно. Он улегся на спину и несколько раз перекатился по траве, а потом встал и замурчал еще громче. Его длинный хвост вытянулся вверх, а кончик его качался взад-вперед, так что даже сбил большую гроздь винограда, висящую на дереве над ним. Казалось, зверя переполняет радость; снова подойдя и склонившись над ребен-

ком, он замурлыкал, совершенно счастливый. В конце концов, он лег, не прекращая мурлыкать, и, улыбаясь, стал наблюдать за ребенком, будто охранял его.

Тут издали донесся еще один пугающий звук. Он напоминал чудовищно громкое шипение – громче, чем шипение пара. Казалось, то шипело целое стадо гусей. Потом раздался треск ломающихся веток и стволов подлеска и еще страшный шум, какого дети никогда прежде не слышали, – будто по земле волочили что-то очень-очень тяжелое.

И снова храбрый Сиболд встал между этим звуком и Мэй, а девочка опять прижала к себе младенца, чтобы защитить его от опасности. Тигр же встал и выгнул спину, как сердитый кот, готовый прыгнуть на того, кто сейчас появится.

И вот над вершинами деревьев появилась голова огромного змея, с разинутой пастью и маленькими глазками, которые горели, как огненные искры. Его челюсти были такие громадные, что, казалось, делили всю голову пополам, а между ними высовывался большой раздвоенный язык, с которого капал яд. Вслед за этой чудовищной головой появились огромные извивающиеся кольца тела змея, которым не было конца. Гад уставился на чудо-ребенка, и Мэй увидела, что крохотный младенец указывает пальцем на землю, будто приказывает змею лечь у его ног. Тигр издал низкое рычание, а после с довольным мурлыканьем вернулся на свое место, чтобы наблюдать и охранять, а громадный змей осторожно подполз и свернулся на поляне, словно и он тоже собирался охранять чудо-ребенка.

В третий раз пугающий звук раздался с воздуха. Что-то захлопало громче, чем удары грома, и небо вдаль потемнело: то пала на землю тень от распахнутых крыльев могучего стервятника. Птица плавно снизилась, и тигр опять встал и выгнул спину, готовясь прыгнуть ей навстречу, а змей приподнялся на своих могучих кольцах и открыл громадную пасть, будто вот-вот нападет.

Но когда стервятник увидел младенца, он тут же утратил злобность и завис в воздухе, опустив голову, словно в знак покорности. После этого змей опять свернулся в кольца и улегся, как раньше, тигр вернулся к своим обязанностям стража, а стервятник приземлился на поляне и тоже принялся охранять младенца.

Мэй и Сиболд с изумлением смотрели на прекрасного мальчика, которому покорились все эти чудовища.

И в четвертый раз раздался страшный шум – на этот раз с моря: плеск и шум волн, будто к берегу плывет нечто огромное. Оглянувшись, дети увидели двух чудовищ: акулу и крокодила. Хищники вышли из моря на сушу. Акула прыгала, била хвостом и скрежетала тремя рядами огромных зубов, а крокодил полз, переваливаясь на коротких кривых ногах; его ужасная пасть открывалась и закрывалась, а зубы шелкали.

Когда эти двое подобралась близко, тигр, змей и стервятник встали на защиту ребенка, но стоило чудистицам увидеть младенца, как они тоже покорно поклонились ему и стали охранять: крокодил ползал по пляжу, а акула плавала вдоль берега взад и вперед, как часовой. Мэй же и Сиболд смотрели на прекрасного ребенка и не переставали удивляться. Они ждали, что же будет дальше.

И вот снова послышался ужасный шум, еще более пугающий, чем прежде, – рокот, доносящийся из самых глубин земли. Немного поодаль от детей вдруг появилась гора, вершина ее раскрылась, и оттуда с ревом, что был громче шума бури, вырвались огонь и дым. Громадные столбы черного пара поднялись вверх и повисли в небе, словно темное облако, раскаленные докрасна камни огромных размеров вылетали из кратера, падали обратно и исчезали, а по склонам горы текли потоки горячей лавы и вырывались гейзеры кипящей воды.

Сиболд и Мэй страшно испугались, и Мэй еще крепче прижала дорогого младенца к груди.

Грохот от пылающей горы становился все оглушительнее, густая огненная лава стремительно текла вниз, а над кратером появилась голова огненного дракона, чьи глаза походили на

раскаленные угли, а зубы – на языки пламени. Тигр, змей, стервятник, крокодил и акула – все приготовились защищать чудо-ребенка. Но когда огненный дракон увидел мальчика, он тут же присмирел и покорно выполз из пылающего кратера. Огненная гора снова ушла под землю, лава исчезла, а дракон остался стоять на страже вместе с остальными.

Сиболд и Мэй удивились больше прежнего и смотрели на младенца с еще большим любопытством. Внезапно Мэй обратилась к брату:

– Сиболд, я хочу тебе кое-что сказать на ушко.

Мальчик наклонил голову, и она очень тихо прошептала:

– Я думаю, что этот кроха – Ангел!

Сиболд с благоговением посмотрел на ребенка и ответил:

– Я тоже так думаю, дорогая. Что же нам делать?

– Не знаю, – призналась Мэй. – Как ты думаешь, он не рассердится на нас за то, что мы зовем его крохой?

– Надеюсь, не рассердится, – ответил Сиболд.

Мэй на секунду задумалась, потом ее лицо осветила радостная улыбка:

– Он не рассердится, Сиболд. Знаешь, мы его нечаянно позабавили.

– Это правда, – согласился мальчик.

Пока они беседовали, всевозможные животные, птицы и рыбы выходили на поляну, двигаясь рука об руку – разумеется, как могли, потому что ни у кого из них рук не было. Первыми пришли лев и ягненок, поклонились ребенку, а потом отошли и улеглись рядышком. Следом появились лиса и гусь, ястреб и голубь, волк и еще один ягненок, потом пес и кот, кошка и мышка, а потом еще одна лиса и журавль, заяц и черепаха, щука и форель, воробей и червяк и еще много-много других, пока они не заполнили всю поляну. Все они сидели на поляне парами, в полном мире и согласии друг с другом, и смотрели на чудо-ребенка.

Мэй снова прошептала Сиболду:

– Послушай, но если он – Ангел, нам следует относиться к нему с большим уважением.

Сиболд кивнул в знак согласия, поэтому девочка крепче прижала к себе младенца и сказала:

– Не правда ли, мистер кроха, все они кажутся такими красивыми и милыми, когда сидят вот так?

Прекрасный ребенок ласково улыбнулся и ответил:

– Это так.

– Мне бы хотелось, дорогой кроха, – продолжала Мэй, – чтобы они всегда вели себя так, не дрались и не ссорились. Ой! Прошу прощения. Я хотела сказать – мистер кроха.

– Почему ты просишь у меня прощения? – спросил ее ребенок.

– Потому что я назвала тебя «кроха», а не «мистер кроха».

– А почему ты должна называть меня мистером?

Мэй не стала говорить: «Потому что ты – Ангел», как ей бы хотелось. Она лишь крепче обняла ребенка и прошептала в его розовое ушко:

– Ты знаешь.

Тот обнял ее ручками за шею, поцеловал и произнес очень тихо и очень ласково слова, которые девочка потом помнила всю свою жизнь:

– Это правда, я знаю. Всегда будь милой и доброй, дорогая девочка, и даже Ангелы будут знать твои мысли и слушать твои слова.

Мэй почувствовала себя очень счастливой. Она взглянула на Сиболда, а тот нагнулся и поцеловал ее, назвав «милой сестренкой»; и все пары животных, и все ужасные существа, стоящие на страже, все вместе произнесли:

– Правильно!

Потом они замолчали, и каждый по очереди издал звук, который они обычно издавали, чтобы показать, что счастливы: мурлыкали и каркали, гоготали и пищали, хлопали крыльями и виляли хвостами.

– Ох, как это мило! – воскликнула Мэй. – Посмотри, дорогой кроха!

На самом деле она опять хотела сказать «мистер», но ребенок предостерегающе поднял пальчик, а, услышав желаемое, улыбнулся и сказал:

– Правильно, ты должна называть меня просто крохой.

И снова все животные в один голос крикнули:

– Правильно, ты должна говорить просто «кроха»! – а потом выразили свою радость тем же способом, что и раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.